

ПРАВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 26.

Воскресенье 27 июня.

„Право“ издается в С.-Петербургъ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. Ф. А. Вальтера, И. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. И. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) Вызовъ свидѣтелей по закону 18 марта 1896 г. — М. Д. 2) Обзоръніе гражданской кассационной практики за 1898 годъ. 3) Пропавшій починокъ и безземельные крестьяне. — Прив. доц. С. П. Нионова. 4) Судебные отчеты. 5) Дѣйствія правитель-ства. 6) Хроника. 7) Библиографія: I. Сборникъ узаконеній о пивовареніи. Составленъ подъ редакціей С. Я. Вайнштейна. II. Adrien Carpentier. Codes et lois pour la France. Г. Шалланда.

8) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по субботамъ отъ 12 ч. до 2 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Вызовъ свидѣтелей по закону 18 марта 1896 г.

Въ № 21 „Права“ (стр. 1122), обзоръвая со-держаніе „Вѣстника Права“ за апрѣль 1899 г., мы отмѣтили, между прочимъ, статью В. П. Ширкова по означенному вопросу, въ которой авторъ приходитъ къ заключенію, что при новомъ порядкѣ вызова свидѣтелей судъ не вправе отказывать подсудимому въ вызовѣ свидѣтелей на его счетъ или въ приглашеніи этихъ сви-дѣтелей самимъ подсудимымъ въ судебное за-сѣданіе. При этомъ мы высказали предположе-ніе, что Пр. Сенатъ держится, повидимому, противоположнаго взгляда. Къ глубокому со-жалѣнію, наши предположенія вполне оправда-лись. Въ вышедшей недавно майской книжкѣ „Журнала Мин. Юст.“ напечатано опредѣленіе по дѣлу Колесниковыхъ, въ коемъ Сенатъ ут-верждаетъ, что его прежнія разъясненія (1878 г. по дѣлу Засуличъ и др.) остались въ силѣ и послѣ изданія новаго закона, которое, „само по себѣ, не составляетъ повода къ пересмотру твердо установившейся практики Пр. Сената, и что судъ и нынѣ, какъ до изданія новаго закона, имѣетъ право и даже обязанъ откло-нять... просьбы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, заявленныхъ на основаніи 576 ст. уст., если признаетъ, что... обстоятельства, подлежащія разъясненію чрезъ тѣхъ свидѣтелей, не только не могутъ имѣть для дѣла полезнаго значенія, но вовсе къ дѣлу не относятся“. Опредѣленіе Сената отличается своей краткостью и катего-

ричностью, но за то напечатанное впереди за-ключеніе оберъ-прокурора, квинт-эссенцію коего это опредѣленіе составляетъ, чрезвычайно об-стоятельно и содержитъ массу разнообразнѣй-шихъ доводовъ: здѣсь и источники закона, и чуть-ли не всѣ—и старѣйшія и новѣйшія—евро-пейскія законодательства, и расхожденіе идеала съ дѣйствительностью, и рѣшительная оцѣнка нашей адвокатуры и тревожныя напоминанія о грозящей опасности. Caveant consules!

Для столь рѣшительнаго нападенія должна быть, очевидно, весьма основательная причина, и таковая, дѣйствительно, имѣется. Г. оберъ-про-куроръ въ заключеніи своемъ указываетъ (стр. 239), что „буква статьи 576 устава, пови-димому, не оставляетъ суду права контроля надъ защитой и обязываетъ судъ ограничи-ваться исполнительными дѣйствіями по вызову, совершенно независимо отъ того, имѣеть-ли по мнѣнію суда указанный свидѣтель какое-либо касательство къ интересамъ уголовного правосудія по настоящему дѣлу“. Если отбро-сить неловкое выраженіе „буква статьи“, то нельзя не согласиться съ г. оберъ-прокуроромъ, что точный грамматическій смыслъ 576 ст., гласящей: „если будетъ заявлено о вызовѣ сто-роною свидѣтелей на ея счетъ, то дѣлается немедленно распоряженіе о вызовѣ“, положи-тельно говорить въ пользу такого вывода. Прійти къ противоположному выводу, истолко-вать статью въ разрѣзъ съ ея прямымъ грам-матическимъ смысломъ можно только въ такомъ

случаѣ, если данное толкованіе приводит къ какому нибудь противорѣчивому или нелѣпому положенію. Г. оберъ-прокуроръ отмѣчаетъ, что 576 ст. предоставляетъ суду или вызвать указанныхъ свидѣтелей на счетъ просителя, или предоставить послѣднему „пригласить ихъ въ судъ отъ себя по добровольному съ ними соглашенію“. Разъ право вызова свидѣтеля на свой счетъ предоставлено сторонѣ закономъ, то не должно быть, повидимому, мѣста для предоставленія сторонѣ судомъ права приглашенія по добровольному со свидѣтелемъ соглашенію. Почему же однако такъ? Почему не предположить, что, по аналогіи съ 88 ст. уст. гр. суд., судъ долженъ избрать тотъ или другой способъ въ зависимости отъ желанія подсудимаго или предоставлять вызовъ добровольному соглашенію, если, напр., по условіямъ времени судебнымъ порядкомъ вызовъ состояться не можетъ? Во всякомъ случаѣ, если и допустить, что въ этой части законъ неясенъ, то невозможно понять, какую связь и какое вліяніе можетъ имѣть эта неясность въ опредѣленіи порядка вызова на разрѣшеніе вопроса о правѣ суда на контроль надъ защитой.

Впрочемъ, не въ этомъ центръ тяжести. Г. оберъ-прокуроръ находитъ, что отстраненіе суда отъ контроля надъ дѣйствіями защиты по вызову свидѣтелей на судъ не соответствовало бы принципу состязательности и не согласовалось бы съ положеніемъ суда, какъ органа судебной власти. Даже въ гражданскомъ процессѣ „судъ не обязанъ не только спрашивать, но и вызывать свидѣтелей по всякой ссылкѣ тяжущихся!“ Это сравненіе принадлежить къ числу тѣхъ, относительно которыхъ принято говорить: *comparaison n'est pas raison*. Здѣсь упущена одна маленькая подробность, которую двумя страницами раньше отмѣчаетъ и рассматриваемое заключеніе: принципъ состязательности проявляется въ дѣятельности *самостоятельно* дѣйствующихъ сторонъ (стр. 243) или, иначе говоря, этотъ принципъ, осуществленный въ гражданскомъ процессѣ, предполагаетъ равноправіе сторонъ. Между тѣмъ, какъ указывало министерство юстиціи въ представленіи своемъ по поводу измененія порядка вызова, „упраздненіе неограниченнаго права вызова свидѣтелей, спрошенныхъ при слѣдствіи, увеличитъ разницу въ положеніи участвующихъ въ дѣлѣ лицъ сравнительно съ прокуроромъ, которому, согласно 573 ст. уст. уг. суд., вообще не можетъ быть отказано въ вызовѣ свидѣтелей?“ Почему же, позволительно спросить, отстраненіе суда отъ контроля надъ дѣйствіями прокуратуры болѣе согласуется съ положеніемъ суда, какъ органа суд. власти, чѣмъ такое же отстраненіе отъ контроля надъ ходатайствомъ защиты? На это намъ отвѣчаютъ не вполне понятной фразой, что законъ допустилъ *формальную* (!!) защиту (стр. 246), что хотя „съ точки зрѣнія идеальной можно даже сказать, что у

нея (защиты) одна общая цѣль съ обвиненіемъ“, но у насъ пр. повѣреннымъ не предоставлено монополіи защиты и что если бы такая монополія существовала, то „образовательный цензъ этихъ лицъ, въ связи съ установленнымъ надъ ихъ дѣятельностью сословнымъ контролемъ, могъ бы до *нѣкоторой степени* (!) служить гарантіей“ основательности ходатайствъ о вызовѣ свидѣтелей! Итакъ, лишь въ тѣ блаженные времена, когда идеаль воцарится на землѣ, можно будетъ, и то лишь до нѣкоторой степени, рассчитывать на правильное пониманіе адвокатуры своихъ обязанностей, а до тѣхъ поръ „судебная практика свидѣтельствуемъ о томъ, что сердцу защитника всегда ближе личные интересы доврившагося ему подсудимаго, нежели отвлеченные интересы правосудія“. Иначе, однако, судебная практика не могла и не должна бы свидѣтельствовать, потому что законъ призываетъ защитника именно для огражденія интересовъ подсудимаго, и если бы пр. повѣренный, взявъ на себя защиту подсудимаго, принялся бы, вмѣсто того, его обвинять во имя отвлеченныхъ интересовъ правосудія, то это было бы съ его стороны серьезнымъ нарушеніемъ профессиональнаго долга. А съ другой стороны — развѣ близость интересовъ подсудимаго сердцу защитника никакъ не совместима съ „основательностью ходатайства о вызовѣ свидѣтелей“. Казалось бы, напротивъ: именно потому, что защитникъ является единственнымъ человѣкомъ, которому дороги интересы подсудимаго, его ходатайства должны быть наиболѣе основательными. И дѣйствительно, мы видимъ, что при обсужденіи представленія министерства юстиціи Госуд. Совѣтъ заботился именно о томъ, чтобы ограничить право суда на отказъ въ вызовѣ свидѣтелей. Если же, какъ утверждаетъ представленіе, „подсудимые и ихъ защитники, исходя изъ побужденій, совершенно чуждыхъ интересамъ правосудія, заявляютъ *иногда* ходатайства о вызовѣ такихъ свидѣтелей, которые... по дѣлу ничего не знаютъ“, — то развѣ, съ другой стороны, судебная практика такъ уже безапелляціонно свидѣтельствуемъ, что прокуратура всегда помнитъ, что „цѣлью дѣятельности прокурора не можетъ и не должно быть обвиненіе во что бы то ни стало, а лишь раскрытіе истины?“ Вотъ г. Ширковъ напоминаетъ, что еще въ 1870 г. К. К. Арсеньевъ спрашивалъ: „мы желали бы знать, воспользовался-ли кто-нибудь изъ нашихъ обвинителей, *хотя одинъ разъ*, правомъ, предоставленнымъ ему ст. 573, чтобы вызвать новаго свидѣтеля или эксперта, благопріятнаго для защиты?“ Изъ приводимаго же г. Ширковымъ циркуляра мин. юст. видно, что „на практикѣ обнаружилось, что нѣкоторые лица прокурорскаго надзора вызываютъ такихъ свидѣтелей, которыхъ на судебномъ слѣдствіи приходится оставлять безъ допроса“.

Да иначе оно и не могло бы быть, съ точки

зрѣнія оберъ-прокурора, ибо если образовательный цензъ и сословный контроль лишь до нѣкоторой степени способны обезпечить основательность ходатайствъ о вызовѣ свидѣтелей, то въѣдъ и на сторонѣ прокуратуры другихъ гарантій, кромѣ образовательнаго ценза и контроля начальства, у насъ нѣтъ, не говоря уже о томъ, что до сихъ поръ встрѣчаются въ прокурорскомъ надзорѣ лица безъ юридическаго образованія.—И если при этомъ вспомнить старыи триумфъ, что лучше оправдать десять виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго, то съ точки зрѣнія столь скептическаго отношенія къ образовательному цензу и контролю несомнѣнно, что нестѣсненное право защиты на вызовъ свидѣтелей во всякомъ случаѣ болѣе соотвѣтствуетъ достоинству и цѣлямъ правосудія, нежели такое же право прокуратуры. Вотъ почему едва-ли насъ стануть обвинять въ излишней придирчивости, если мы выразимъ удивленіе, почему г. оберъ-прокуроръ не остановился на доказательствѣ своего мнѣнія, будто бы „превращеніе суда въ безучастнаго исполнителя требованій защиты по вызову указанныхъ ею свидѣтелей на ея счетъ—создало бы *чрезвычайную (!)* опасность“ (с. 247). Впрочемъ, въ заключеніи дѣлается ссылка на западно-европейскія законодательства, и здѣсь оказывается, что этотъ „чрезвычайно опасный“ порядокъ усвоенъ германскимъ процессомъ 1877 г.; но тѣмъ не менѣе правосудіе тамъ не погнбло, преступленіе не торжествуетъ побѣды. Правда, „этотъ порядокъ, по словамъ г. оберъ-прокурора, создаетъ въ Германіи весьма нежелательныя явленія“, но въѣдъ даже и отъ *весьма* нежелательныхъ явленій очень далеко до обыкновенной, а тѣмъ болѣе до чрезвычайной опасности. Такъ напр., обязанность истца указывать адресъ отвѣтчика тоже можетъ вести къ весьма нежелательнымъ явленіямъ, позволяя недобросовѣстному отвѣтчику, скрываясь, препятствовать истцу въ осуществленіи его притязаній, но отсюда никто не сдѣлаетъ того вывода, что слѣдуетъ допустить предьявленіе иска къ отвѣтчику безъ указанія его мѣстожителства. И дѣйствительно, заключеніе сообщаетъ намъ, что „проектъ закона 1894 г. предполагалось измѣнить этотъ („чрезвычайно опасный“) порядокъ въ смыслѣ расширенія правъ суда (впрочемъ, только по дѣламъ, подсуднымъ Landgericht'амъ), но предположеніе это не осуществилось и „чрезвычайная опасность“ продолжаетъ висѣть надъ правосудіемъ Германіи. Такой же чрезвычайно опасный порядокъ существуетъ и въ „старѣйшемъ изъ нынѣ дѣйствующихъ кодексовъ, кодексѣ французскомъ, который представляетъ защитѣ неограничиваемую свободу вызова свидѣтелей на судъ“, но и во Франціи, какъ извѣстно, преступники не остаются безнаказанными, жизнь и имущество гражданъ не только не находятся въ чрезвычай-

ной опасности, но даже и о „весьма нежелательныхъ явленіяхъ“ въ заключеніи вовсе не упоминается.

Правда, „для оцѣнки дѣйствующаго французскаго кодекса по настоящему вопросу не слѣдуетъ терять изъ виду, что опасная сторона вызова свидѣтелей помимо согласія суда въ значительной степени ограничивается тамъ въ своемъ значеніи благодаря тому обстоятельству, что по этому кодексу подсудимый и его защитникъ могутъ предлагать свидѣтелю вопросы не иначе какъ чрезъ уста президента суда и что послѣдній обязывается отстранять все то, что содѣйствуетъ продолженію судебныхъ преній безъ всякой надежды на достиженіе болѣе точныхъ результатовъ (§§ 319, 270, 315, 324)“ (стр. 243).

Но въѣдъ и у насъ, какъ указываетъ г. оберъ-прокуроръ (стр. 250), имѣется 611 ст., возлагающая на предсѣдателя обязанность устранять все, не имѣющее прямого отношенія къ дѣлу, а между тѣмъ оказывается, что у насъ именно это правило исключаетъ предположеніе о безусловномъ правѣ защиты на приглашеніе свидѣтелей (стр. 240), во Франціи же оно устраняетъ „чрезвычайныя опасности“. Точно также совершенно невозможно объяснить себѣ указанія оберъ-прокурора на создаваемое „для государственной казны тяжелое бремя восполненія расходовъ по вызову свидѣтелей“ (стр. 250), въ то время какъ рѣчь идетъ о вызовѣ свидѣтелей на счетъ подсудимыхъ. Не менѣе странной кажется попытка защитить прежнюю практику Сената на томъ основаніи, что законъ 1896 г. „оставилъ неизмѣненною 576 ст. уст.“ (стр. 240), между тѣмъ какъ на слѣдующей, 241 стр. указывается, что „три статьи (574, 575 и 576) *органически* между собою связаны“.

Итакъ все тѣ доводы, которые заставили г. оберъ-прокурора, а съ нимъ и Прав. Сенатъ, истолковать 576 ст. въ разрѣзъ съ ея прямымъ грамматическимъ смысломъ, оказываются вполнѣ несостоятельными и болѣею частью разбиваются указаніями, приводимыми въ самомъ заключеніи.

Съ другой же стороны оберъ-прокуроръ задается вопросомъ: „если остаться при прежнемъ установленномъ Сенатомъ толкованіи ст. 576 уст. угол. суд., то спрашивается, въ виду произведеннаго закономъ 1896 года измѣненія редакціи ст. 575 того же устава, не превратится-ли статья эта въ мертвую букву и не придется-ли признать, что защита никогда не въ состояніи будетъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ей означенною 576 статьею?“ (стр. 251).

Соглашаясь, что при прежнемъ толкованіи значительно фактически сужается возможность ея практическаго примѣненія, заключеніе, однако, уклоняется отъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ и ограничивается туманнымъ указаніемъ, что „вопросъ о томъ, къ какимъ хода-

тайствамъ защиты о вызовѣ свидѣтелей можетъ быть примѣняема ст. 576 устава, есть вопросъ будущаго“. Но не нужно вовсе обладать даромъ прорицанія будущаго, чтобы съ полной увѣренностью, путемъ логическаго умозаключенія, утверждать, что благодаря сенатскому толкованію ст. 576 примѣнять никогда не придется, ибо, какъ справедливо указалъ г. Широковъ въ упомянутой статьѣ, „и несущественные свидѣтели, показанія коихъ лишь относятся къ дѣлу, должны быть вызываемы по 575 ст. на счетъ казны“.

Такимъ образомъ, разъясненіе Прав. Сената по д. Колесниковыхъ, прямо противорѣчащее грамматическому смыслу 576 ст., фактически вовсе упраздняетъ ее. И едва-ли это новое стѣсненіе защиты можно признать соответствующимъ интересамъ правосудія, ибо пр. засѣдатели всегда противъ него протестуютъ, вынося въ сомнительныхъ случаяхъ оправдательные приговоры.

М. Д.

Обзорніе гражданской кассационной практики за 1898 годъ.

Юридическое значеніе выставочныхъ наградъ, выдаваемыхъ промышленнымъ предпріятіямъ, — Духовныя завѣщанія монашествующихъ. — Соглашеніе объ уплатѣ однимъ контрагентомъ по договору могущаго пасть на другого взысканія гербовогаго штрафа.

Рѣшеніе Пр. Сената по иску Петерсона къ Леванскому объ отобраніи дипломовъ (№ 16) заслуживаетъ вниманія, но не столько по существу подлежавшаго разсмотрѣнію вопроса, сколько по тѣмъ приемамъ, которые привели Пр. Сенатъ къ разрѣшенію его. Петерсонъ продалъ Леванскому свой сапожный магазинъ и мастерскую сапожнаго мастерства съ инвентаремъ и прочими принадлежностями, причѣмъ предоставилъ ему навсегда и право собственности на свою фирму. Засимъ Петерсонъ предъявилъ къ Леванскому искъ объ отобраніи отъ послѣдняго поступившихъ въ его владѣніе дипломовъ на медали, полученныхъ на заграничныхъ выставкахъ на имя К. Петерсона въ качествѣ экспонента сапожныхъ издѣлій его фирмы. Разрѣшеніе такого иска находится въ прямой зависимости отъ взгляда на юридическое значеніе упомянутыхъ дипломовъ, но въ нашихъ многочисленныхъ законахъ по этому вопросу нѣтъ рѣшительныхъ указаній.

Обратившись къ уясненію особенностей этихъ почетныхъ наградъ, Пр. Сенатъ нашель, что „онѣ имѣютъ своимъ назначеніемъ служить для фирмы орудіемъ дозволенной рекламы, обезпечивающимъ за нею доброе имя на рынкѣ и успѣхъ предпріятій“. Благодаря этому такія награды имѣютъ для фирмы значеніе особой

промышленной цѣнности, отъ которой зависитъ цѣна продаваемой фирмы. При выдачѣ такихъ наградъ, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя въ особыхъ случаяхъ „выдаются исключительно за личныя заслуги“, принимаются во вниманіе не личныя качества владѣльца фирмы, а успѣхъ самаго предпріятія. Отсюда логически вытекаеть тотъ выводъ, что „нельзя усматривать въ самой природѣ этихъ наградъ какихъ либо особыхъ причинъ, препятствующихъ безусловно ихъ обращенію способами, опредѣленными въ законѣ (прим. къ 699 ст. 1 ч. X т.) наравнѣ съ другими имущественными цѣнностями. Отсюда, далѣе, неизбѣжно слѣдуетъ, что „при переходѣ промышленной фирмы къ новому владѣльцу вмѣстѣ съ цѣлымъ предпріятіемъ ея“ нѣтъ основаній отвергать преемственность наградъ, если, само собой, преемственность эта прямо не исключена. Придя къ такому совершенно правильному выводу на основаніи изученія юридической природы выставочныхъ наградъ, Пр. Сенатъ въ заключеніе подкрѣпляетъ свой выводъ ссылкой на то, что ст. 16 Высочайше утвержденнаго 26 февр. 1896 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта объ огражденіи товарныхъ знаковъ ясно выражаетъ взглядъ нашего законодательства о допустимости преемственности именныхъ почетныхъ наградъ.

Рѣшеніе это будетъ, конечно, руководящимъ для нашей судебной практики не только по основному вопросу, въ немъ разсмотрѣнному; оно несомнѣнно должно оказать еще извѣстное вліяніе и на разработку судомъ вопросовъ о торговой фирмѣ и способахъ ея отчужденія, — вопросовъ, имѣющихъ большое значеніе для торговаго оборота, но почти не предусматриваемыхъ нашими законами и игнорируемыхъ нашей литературой. Но, кромѣ того, приведенное рѣшеніе еще важно въ томъ отношеніи, что оно наглядно показываетъ, какъ слѣдуетъ разрѣшать вопросы, законами не разрѣшенные, и къ какимъ результатамъ можно придти, пользуясь этимъ способомъ разрѣшенія такихъ вопросовъ.

Въ № 2 „Правъ“ за 1898 г. мы отмѣтили напечатанное въ сборникѣ за 1897 г. рѣшеніе Сената № 24, въ коемъ разъяснены были основныя начала нашего законодательства по вопросу объ имущественной правоспособности монашествующихъ. Теперь въ рѣшеніи № 26, по дѣлу объ утвержденіи духовнаго завѣщанія мѣщанъ Федотова, разъясняется вопросъ о дѣйствительности духовнаго завѣщанія лица, постригшагося въ монашество. Московская судебная палата, разсматривавшая этотъ вопросъ, нашла, что „завѣщательный актъ, какъ постановленный на случай смерти, не можетъ быть утвержденъ при жизни завѣщателя; въ виду же того, что духовныя завѣщанія воспринимаютъ свою силу въ моментъ смерти, завѣщатель Федотовъ, будучи въ это время постриженнымъ въ монашество, уже не могъ, по своему званію, распоряжаться имуществомъ“.

Прав. Сенатъ совершенно справедливо указалъ, что хотя правила объ открытіи наслѣдства и „выражены по отношенію къ тому обыкновенному случаю, когда наслѣдство открывается естественною смертію“, но изъ составленія ст. 354 IX т. зак. о состояніи съ 1223 ст. I ч. X. т. необходимо прийти къ тому выводу, что „относительно благопріобрѣтеннаго имущества, законъ имѣлъ въ виду предоставить постригающимся въ монашество распорядиться... и посредствомъ духовнаго завѣщанія“, что наиболѣе соотвѣтствуетъ „тому положенію, въ коемъ находится лицо, подготавливающее себя къ отреченію отъ міра“. Поэтому, „при открытіи наслѣдства постриженіемъ въ монашество наступаютъ тѣ же послѣдствія, какъ и при открытіи наслѣдства естественною смертію“.

Въ рѣшеніи № 9 разрѣшенъ весьма важный въ практическомъ отношеніи вопросъ гербоваго устава, дѣйствительно-ли договорное соглашеніе о возмѣщеніи однимъ контрагентомъ другому могущаго пасть на послѣдняго взыскація гербоваго штрафа за нарушеніе при написаніи договора правилъ герб. уст. Этотъ вопросъ уже восходилъ на разсмотрѣніе Прав. Сената (1875 г. № 699, 1886 г. № 84), признаваго, что „зысканіе, установленное ст. 462 уст. гражд. суд. за написаніе актовъ безъ соблюденія правилъ о гербовомъ сборѣ, имѣетъ значеніе *наказанія* и какъ таковое *не можетъ* быть, по соглашенію частныхъ лицъ..., переносимо съ одного лица на другое... ибо по основному положенію устава уголовнаго судопроизводства (ст. 15) въ дѣлахъ уголовныхъ всякій несетъ отвѣтственность только самъ за себя. Въ силу правилъ о составленіи договоровъ, цѣль договора должна быть не противна закону (1528 ст. т. X ч. I), *договоръ недѣйствителенъ* и обязательство ничтожно, *если побудительная причина къ заключенію оного есть достиженіе цѣли, закономъ запрещенной*, какъ-то: когда договоръ клонится ко вреду государственной казны. *Совокупный смыслъ* изложенныхъ узаконеній приводитъ къ убѣжденію, что договорное соглашеніе, по которому одинъ контрагентъ обязывается возмѣстить другому убытки, которые для него произойдутъ отъ взыскація гербоваго штрафа, за написаніе акта на простой бумагѣ, не можетъ быть допущено; во всякомъ случаѣ, такой договоръ несомнѣнно парализуетъ, по отношенію къ одному изъ контрагентовъ, дѣйствіе угрозы карательнаго закона, охраняющаго силу постановленій о гербовомъ сборѣ и *благоприятствуетъ волю контрагента къ обходу* изъ своекорыстныхъ побужденій *правилъ о гербовомъ сборѣ*, составляющихъ одинъ изъ источниковъ государственныхъ доходовъ.“

Но 15 іюня 1887 г. воспослѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о нарушеніяхъ устава о гербовомъ

сборѣ и о порядкѣ производства дѣлъ по симъ нарушеніямъ, въ силу коего взыскація, налагаемыя за нарушенія правилъ о гербовомъ сборѣ при написаніи актовъ, не имѣютъ болѣе характера наказаній уголовныхъ и ст. 467, 582, 583, 585—590 и 1303 исключены изъ уложенія о наказ. Основываясь на этомъ обстоятельстве, Пр. Сенатъ, пересмотрѣвъ вновь этотъ вопросъ, въ рѣшеніи подъ № 9 пришелъ къ прямо противоположному взгляду. Дѣйствительно, въ мотивахъ къ упомянутому закону указано на то, что „нарушенія, упомянутыя въ п. 3 (къ числу коихъ относится и то, о коемъ идетъ рѣчь), представляютъ собою простое уклоненіе частныхъ лицъ отъ платежа гербоваго сбора, т. е. неисполненіе податной обязанности, влекущее за собой не уголовное наказаніе, а лишь финансовое взыскація въ размѣрѣ, превышающемъ сборъ, неуплаченный своевременно.“

Поэтому, съ мнѣніемъ Пр. Сената о томъ, что въ настоящее время нарушеніе постановленій объ оплатѣ договоровъ гербовымъ сборомъ составляетъ не уголовное преступленіе, но нарушеніе фискальной повинности, необходимо согласиться. (Это мнѣніе было обстоятельно мотивировано въ рѣшеніи общ. собр. за 1888 г. № 31). Однако, гербовый штрафъ взыскивается въ размѣрѣ, въ десять разъ превосходящемъ подлежавшій оплатѣ гербовый сборъ,—размѣрѣ, совершенно несоотвѣтствующемъ тѣмъ пенямъ, которыя обыкновенно начисляются при несвоевременномъ исполненіи фискальныхъ повинностей. Далѣе, этотъ штрафъ не распределяется между контрагентами, но взыскивается отдѣльно съ каждой стороны, причемъ одна сторона не отвѣчаетъ за оплату этого штрафа другой стороной. При такихъ условіяхъ, едва-ли представляется правильнымъ совершенное отрицаніе элемента наказанія, хотя и не уголовнаго, въ гербовомъ штрафѣ. Это признавалъ и Прав. Сенатъ уже послѣ Высочайше утвержденного 15 іюня 1887 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта. Такъ по вопросу объ отвѣтственности правопреемниковъ по договору, не оплаченному гербовымъ сборомъ, хотя бы и оплатившихъ гербовымъ сборомъ переходъ къ нимъ акта, Пр. Сенатъ (1890 г. № 80) высказалъ слѣдующее: „Принимать домашнія обязательства, подлежащія гербовому сбору, можно только въ томъ случаѣ, если они оплачены гербовымъ сборомъ; приниматель же обязательства, написаннаго съ нарушеніемъ правилъ о гербовомъ сборѣ, не подлежитъ отвѣтственности за принятіе оного лишь въ томъ случаѣ, если гербовый штрафъ, слѣдующій за означенное нарушеніе, уже опредѣленъ и сіе означено на обязательствѣ; если же штрафъ сей до передачи ему не опредѣленъ, то даже правильная уплата имъ самимъ гербоваго сбора по передаточной собственнo сдѣлкѣ *не освобождаетъ* принима-

теля отъ штрафа за выдачу и предшествовавшія передачь обязательствъ, составленныя съ нарушеніемъ правилъ о гербовомъ сборѣ.“ Такая отвѣтственность правопреемника за дѣйствія правопродшественника, совершенныя безъ вѣдома перваго, была бы едва-ли умѣстна, если бы рѣчь шла объ исполненіи фискальной повинности, неисполненіе которой влечетъ за собой пеню за несвоевременное исполненіе. Еще болѣе ясно проявился взглядъ Сената на штрафъ, какъ заключающій въ себѣ и элементъ наказанія, въ рѣшеніи общаго собранія за 1892 г. № 32. Ст. 107 уст. о герб. сб. (нынѣ 129), говорить въ этомъ рѣшеніи Пр. Сенатъ, предусматриваетъ „очевидно умышленные, а не вызванныя единственно неясностью закона нарушенія правилъ этого сбора при совершеніи частными лицами домашнихъ актовъ и обязательствъ“. Едва-ли возможно оспаривать, что если бы гербовый штрафъ не заключалъ въ себѣ элемента наказанія, то заблужденіе (извинительное или неизвинительное—это совершенно безразлично) относительно необходимости для контрагента оплатить актъ гербовымъ сборомъ не могло бы имѣть никакого вліянія на вопросъ о необходимости наложенія гербово-го штрафа.

Но и совершенно независимо отъ этого, слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что прежній взглядъ Сената (рѣш. 1886 г. № 84) о недѣйствительности соглашенія контрагентовъ объ уплатѣ однимъ могущаго пасть на другого взыскапія за нарушеніе правилъ гербов. уст. основано было не только на уголовномъ характерѣ взысканія за нарушеніе означенныхъ правилъ, но и на ничтожности соглашеній, побудительная причина коихъ есть достиженіе цѣли, закономъ запрещенной.

Очевидно, поэтому, что, радикально отступая въ 1898 г. отъ прежняго взгляда, необходимо было остановиться на разсмотрѣніи обоихъ соображеній, указанныхъ въ 1886 г., а не ограничиваться разсмотрѣніемъ измѣненій, произведенныхъ новымъ закономъ въ характерѣ нарушенія постановленій о гербовомъ сборѣ. Между тѣмъ едва-ли можно оспаривать, что неплата гербовымъ сборомъ акта, подлежащаго такой уплатѣ, является дѣйствіемъ, закону противнымъ, и что слѣдовательно договоръ, направленный на то, чтобы не уплатить этого сбора, является договоромъ, цѣль котораго закону противна, а согласно ст. 1529 т. X, ч. I договоръ недѣйствителенъ и обязательство ничтожно, если побудительная причина къ заключенію онаго есть достиженіе цѣли, законами запрещенной, какъ то, когда договоръ клонится... ко вреду государственной казны. Правда, съ перваго взгляда можетъ показаться, что правило это къ данному дѣлу вовсе не относится, ибо предметомъ соглашенія здѣсь служить не уклоненіе отъ оплаты гербовымъ сборомъ документа,—объ этомъ стороны какъ бы вовсе не договарива-

ются,—а способъ оплаты гербово-го штрафа. Но вѣдь само собой понятно, что это послѣднее соглашеніе возможно лишь вмѣстѣ съ соглашеніемъ о томъ, чтобы актъ не былъ оплаченъ гербовымъ сборомъ. И если такое соглашеніе должно быть признано недѣйствительнымъ (что не можетъ подлежать никакому сомнѣнію), то тѣмъ самымъ падаетъ и составная часть этого соглашенія — именно установленіе способа оплаты могущаго пасть на контрагента штрафа.

Но и помимо этого, разсматриваемое соглашеніе, даже и само по себѣ взятое, должно быть признано противнымъ закону. Налагающій штрафъ на обоихъ контрагентовъ, законъ, очевидно, желаетъ воздѣйствовать на волю всѣхъ участниковъ въ смыслѣ отвращенія ихъ отъ дѣйствій, „клонящихся ко вреду государственной казны“; между тѣмъ это соглашеніе совершенно парализуетъ дѣйствіе такой угрозы на одного изъ контрагентовъ.

Ничтожность такого рода соглашенія должна быть защищаема и *de lege ferenda*, ибо оно являлось бы совершенно несправедливымъ улучшеніемъ положенія того контрагента, который отъ штрафа такимъ образомъ освобожденъ: онъ можетъ безбоязненно предъявить документъ въ судъ, тогда какъ его контрагентъ при такомъ предъявленіи раньше всего долженъ уплатить двойной штрафъ, т. е. оплатить въ двадцать разъ гербовый сборъ.

Пропавшій починокъ и безземельные крестьяне.

Въ сказкахъ X-й ревизіи (1858 года) въ Ильинскомъ податномъ участкѣ Котельничскаго уѣзда, Вятской губерніи, показаны были: 1) деревня экономическихъ крестьянъ, живущихъ въ городѣ Котельничѣ, и 2) присоединенный къ нимъ починокъ Заградный, Юва Князева токъ.

Съ преобразованіемъ, въ 1869 году, податныхъ участковъ на сельскія общества, деревня экономическихъ крестьянъ, живущихъ въ городѣ Котельничѣ, съ присоединеніемъ починка Заграднаго, Юва Князева, согласно отношенію Вятскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, отъ 5 мая 1869 г. за № 1387, и присоединенному при отношеніи списку селеній, распределеннымъ уже по обществамъ, были отнесены къ Лѣсниковскому сельскому обществу. Въ послѣднемъ крестьяне означенныхъ селеній числились, собственно говоря, уже съ 1863 года, когда въ Лѣсниковское общество выдѣлены были изъ Ильинскаго участка всѣ экономическіе крестьяне.

Оброчная подать до 1878 года начислялась Вятской казенной палатой въ окладныхъ листахъ общимъ количествомъ на все Лѣсниковское общество, а съ 1878 года отдѣльно по селеніямъ общества; причемъ и на означенную деревню экономическихъ крестьянъ, живущихъ въ городѣ Котельничѣ, и на починокъ Заградный, Юва Князева, подать начислена была въ суммѣ 81 рубль 13¼ коп. ежегодно.

Но ни деревня, ни починок вовсе не уплачивали этих окладов в казенную палату, и на них к 1887 году накопилось недоимки по окладным листам казенной палаты 1,196 р. 2 коп. Это обстоятельство побудило Вятскую казенную палату обратиться, „куда слѣдует“, съ указаніемъ на такую неисправность со стороны жителей указанныхъ селеній.

На запросъ, сдѣланный по этому поводу Котельничскимъ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ Казаковское (бывшее Лѣсниковское) волостное правленіе, послѣднее, рапортомъ отъ 7 ноября 1887 года за № 3357, заявило, что хотя экономическіе крестьяне и починокъ Заградный, Иова Князева тожъ, дѣйствительно были приписаны, въ 1863 г., къ Лѣсниковскому обществу, но никогда здѣсь не образовали никакого селенія: „земельными угодьями эти экономическіе крестьяне не были надѣлены, таковыми ни въ какомъ селеніи не пользовались никогда, и нынѣ у нихъ земли нѣтъ, кромѣ той, которую приобрѣли непосредственно сами въ собственность въ г. Котельничѣ подъ строенія. Почему не было отведено этимъ крестьянамъ земельныхъ угодій въ прежде бывшемъ Ильинскомъ, а затѣмъ Лѣсниковскомъ обществѣ, правленіе не знаетъ, гдѣ въ натурѣ былъ починокъ Заградный, Иова Князева, и съ какимъ количествомъ земли въ десятинахъ, тоже положительно ничего неизвѣстно“.

Другими словами, починокъ исчезъ безслѣдно, а экономическіе крестьяне оказались безъ земли.

Ко времени возникновенія всей этой исторіи ихъ числилось въ Лѣсниковскомъ обществѣ 22 души мужского пола.

Получивъ такія свѣдѣнія, Котельничское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе принялось дѣлательно розыскивать пропавшій починокъ. Къ розыску были приняты весьма энергичныя мѣры. Дѣло понемногу выяснилось, и надо сознаться, довольно неожиданнымъ образомъ. Оказалось, что починокъ Заградный, Иова Князева тожъ, прекратилъ свое существованіе еще въ 1874 году, когда *сама же* Вятская казенная палата, распоряженіемъ своимъ отъ 13 апрѣля 1874 г. за № 2844, перечислила составлявшаго все населеніе починка крестьянина Василя Иванова Князева съ семействомъ въ мѣщане города Котельнича... Экономическіе же крестьяне селенія „Котельничскаго монастыря заградная слободка“ земли своей въ надѣлѣ *никогда* не имѣли, а поселились въ гор. Котельничѣ еще до 1804 года, какъ это можно вывести изъ межевой книги Котельнича, составленной въ 1804 году, гдѣ они показаны безземельными и обывателями города, „по причинѣ того, что принадлежащая имъ земля отошла подъ проектъ къ городу Котельничу“.

Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ конецъ всей этой исторіи; непонятно одно, почему эти безземельные экономическіе крестьяне удовлетворились тѣмъ, „что принадлежащая имъ земля отошла подъ проектъ къ гор. Котельничу“ и нигдѣ никогда не заявляли просьбы объ отводѣ имъ новыхъ надѣловъ, взамѣнъ тѣхъ, которыхъ лишились. По крайней мѣрѣ, мы въ дѣлахъ не могли найти даже намека на такого рода искательство. Что изъ себя изображаютъ въ настоящее время эти злополучныхъ „22 души мужского пола“ и ихъ потомство, перечислились ли они въ мѣщане или

продолжаютъ быть безземельными крестьянами—historia tacet. Но во всякомъ случаѣ фактъ взысканія подушныхъ податей за землю съ безземельныхъ крестьянъ, равно какъ и самое существованіе крестьянъ безъ селенія, очень любопытенъ.

С. П. Никоновъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

С.-Петербургская Судебная Палата.

Искъ къ министерству народнаго просвѣщенія.

13 декабря 1896 г., по довѣренности бывшего редактора-издателя „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ д. с. с. Авсѣнко, прис. пов. Хартулари предъявилъ искъ къ министерству народнаго просвѣщенія о взысканіи 6027 р. 42 к., основывая этотъ искъ на томъ, что министерство народнаго просвѣщенія, по контракту, заключенному 31 декабря 1893 г., отдавъ его довѣрителю на арендномъ правѣ, срокомъ по 1 января 1896 г., изданіе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, съ тѣмъ (шп. 3 и 11 контракта), что въ первые три года аренды плата за всѣ печатаемые въ этой газетѣ объявленія какъ казенныя, такъ и частныя, за удержаніемъ лишь изъ денегъ за казенныя объявленія — 5%, поступаетъ въ пользу Авсѣнко, по истеченіи же этого срока, т. е. съ 1 января 1896 г. въ пользу Авсѣнко поступаетъ лишь плата за частныя объявленія, а за казенныя поступаетъ въ пользу казны, при чемъ казенныя объявленія Авсѣнко обязанъ печатать безвозмездно на собственной бумагѣ и во всемъ на собственный счетъ; между тѣмъ по прошествіи упомянутыхъ трехъ лѣтъ, когда плата за казенныя объявленія должна была поступить въ пользу министерства, а не Авсѣнко, министерство стало доставлять для бесплатнаго помѣщенія въ газетѣ, подъ видомъ казенныхъ, объявленія, имѣющія исключительно частный характеръ. Такихъ частныхъ объявленій, за которыя министерство неправильно, какъ полагаетъ повѣренный истца, удержало плату, помѣщено было въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1897 и 1898 годъ, на сумму всего 6027 р. 42 к., о присужденіи которыхъ и проситъ повѣренный истца.

До предъявленія настоящаго иска, прис. пов. Хартулари подалъ жалобу на неправильныя дѣйствія министерства народнаго просвѣщенія въ 1-ый департаментъ Правительствующаго Сената, но Сенатъ оставилъ эту жалобу безъ рассмотрѣнія по существу, исходя изъ того, что здѣсь подлежитъ разрѣшенію вопросъ чисто гражданскаго права по толкованію договора, заключеннаго между министерствомъ народнаго просвѣщенія и д. с. с. Авсѣнко.

С.-Петербургскій окружный судъ въ искѣ Авсѣнко отказалъ, находя, что, независимо отъ законнаго опредѣленія понятія казенныхъ и частныхъ объявленій, стороны добровольнымъ соглашеніемъ (контрактомъ 1893 г.) установили, что понимать подъ этими словами, а такое свободное соглашеніе, развѣ установленное, обязательно для обѣихъ сторонъ. Въ пунктѣ же 3 договора стороны условились считать казенными всѣ объявленія, исходящія отъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ и отъ учреждений, образование свое отъ правительства получившихъ. Слово „исходящія“ судъ толкуетъ въ самомъ широкомъ смыслѣ и потому находитъ, что всѣ объявленія, указанные въ исковой просьбѣ, какъ доставленныя къ напечатанію судебными и присутственными мѣстами, должны быть признаны казенными.

Въ жалобѣ, принесенной на это рѣшеніе въ С.-Петербургскую судебную палату, повѣренный г. Авсеенко, прис. пов. Хартулари, доказываетъ, что рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы замѣнить договоръ закономъ, а о правильномъ истолкованіи договора, соответствующемъ законному опредѣленію казенныхъ объявленій. Въ самомъ дѣлѣ, если бы рѣчь шла только о томъ, что должно лечь въ основаніе разрѣшенія дѣла: договоръ или законъ, то оно получило бы свое разрѣшеніе еще въ порядкѣ административномъ, въ 1 департаментѣ Правительствующаго Сената. Но самъ Сенатъ призналъ, что въ семъ дѣлѣ „подлежать толкованію условія контракта 31 Декабря 1893 г. относительно поступленія платы за объявленія въ пользу издателя или казны, установленіе каковыхъ условій зависило отъ осмотра заключившихъ договоръ сторонъ, что составляетъ споръ о правѣ гражданскихъ, подлежащій разрѣшенію судебныхъ установленій“.

Такимъ образомъ, необходимо прежде всего, истолковать договоръ. Толкованіе это должно быть сдѣлано по правиламъ, изложеннымъ въ п. 4, 1339 ст. X т. ч. I, т. е., когда выраженіе договора не вполне охватываетъ предметъ, то оно должно быть дополнено обычаемъ или закономъ. Законное опредѣленіе казеннаго объявленія, какъ признаетъ и окружный судъ, заключаетъ въ себѣ главный признакъ *по содержанию* объявленія, а именно: насколько объявленіе содержитъ въ себѣ оповѣщеніе о дѣйствіи и надобности самого правительственнаго мѣста, какъ органа правительственной власти. Окружный же судъ кладетъ въ основаніе только другой признакъ — источникъ происхожденія объявленія („объявленія, исходящія отъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ и лицъ, въ томъ числѣ отъ предприятий, образованіе свое отъ правительства получившихъ“). Такое узкое толкованіе только по одному изъ казенныхъ признаковъ казеннаго объявленія, конечно, неправильно. Если же, вообще, принять во вниманіе, что всякія объявленія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, какъ условлено въ договорѣ, печатаются на средства арендатора изданія; что плата за объявленія представляетъ эквивалентъ стоимости напечатанія ихъ; что, намѣреваясь обязать Авсеенко бесплатно печатать всякія объявленія, поступающія отъ правит. мѣстъ и лицъ, независимо отъ содержанія ихъ, министерство должно было выговорить себѣ это право; что бесплатная работа и услуги не предполагаются, — то станетъ яснымъ, что нельзя ограничиться однимъ признакомъ казеннаго объявленія, по источнику происхожденія, а необходимо — остановиться на другомъ признакѣ — на содержаніи его.

Далѣе, совершенно неправильно толкуется выраженіе „объявленія, которыя *исходятъ* отъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ“. Выраженіе „*исходятъ*“ не равносильно выраженію, „*которыя поступаютъ*“, доставляюся мѣстами и лицами. Подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть, согласно признакамъ, установленнымъ въ указѣ Правительствующаго Сената 1808 г., такія объявленія, которыя касаются сихъ мѣстъ и лицъ, т. е. относятся до интереса казеннаго или правительственнаго, а не интереса просителей. При такомъ пониманіи смысла п. 3 договора 1893 г. не можетъ быть и рѣчи о причисленіи объявленій конкурсныхъ управленій и администрацій къ казеннымъ объявленіямъ, равно какъ не могутъ быть причислены къ казеннымъ и другія объявленія, нечисленныя въ искомомъ прошеніи, какъ преслѣдующія частный интересъ. Подъ словами „*учрежденія, образованія отъ правительства получившія*“, необходимо разумѣть учрежденія не только дѣйствующія съ утвержденія правительства, или вызванныя къ жизни правительствомъ, но и дѣйствующія именемъ правительства или казны, а не данной совокупности лицъ, обществъ, сословій.

Съ своей стороны, представитель министерства народного просвѣщенія, д. с. с. В. Н. Мамоновъ, возражая противъ доводовъ апеллятора, доказывалъ, что, хотя по смыслу контракта именно всѣ объявленія, „исходящія“, т. е. присылаемыя отъ казенныхъ мѣстъ и лицъ, могутъ почитаться казенными, но, однако, есть категоріи объявленій, въ которыхъ данное присутственное мѣсто или лицо дѣлаетъ объявленіе не потому, что объявленіе требуется сдѣлать по закону, а въ видахъ хозяйственныхъ или удобства, напримѣръ, печатаніе о немѣнн свободныхъ вакансій, о началѣ ученія. По отношенію такихъ объявленій могъ бы возникнуть вопросъ, должны ли они почитаться казенными, но этотъ вопросъ къ данному дѣлу не относится, такъ какъ всѣ объявленія, помѣщенные въ спискѣ истца, несомнѣнно, въ этомъ смыслѣ казенныя, т. е. печатаемыя во всеобщее свѣдѣніе въ силу закона въ правительственномъ органѣ. Далѣе, г. Мамоновъ, указавъ по отношенію къ каждому изъ указанныхъ въ искомомъ прошеніи объявленій, тѣ статьи закона, на основаніи которыхъ они печатаются въ правительственныхъ органахъ и, основываясь на этомъ, просить въ искѣ Авсеенко отказать.

Судебная палата нашла, что разрѣшеніе вопроса о томъ, обязался ли Авсеенко напечатать данное объявленіе, сообщенное правительственнымъ учрежденіемъ, безвозмездно или за опредѣленную плату, вовсе не зависитъ отъ того, къ какому изъ двухъ видовъ объявленій, частныхъ или казенныхъ, слѣдуетъ по закону отнести данное объявленіе. Означенный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи помнутаго выше 3 пункта договора, опредѣляющаго признаки, по которымъ данное объявленіе слѣдуетъ считать казеннымъ, т. е. подлежащимъ напечатанію въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ безвозмездно; по силѣ 3 п. договора Авсеенко съ министерствомъ народного просвѣщенія бесплатно напечатанію въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ съ 1887 г. подлежатъ *всѣ объявленія, исходящія отъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ* и отъ учреждений, образованіе свое получившихъ отъ правительства, такъ и частныя по вышеозначенной терминологіи. Объясненія повѣреннаго Авсеенко, присяжнаго повѣреннаго Хартулари, что подъ объявленіями, исходящими отъ правительственныхъ учреждений и т. д. нельзя понимать объявленія, доставляемыя этими учрежденіями, ничего не доказываютъ, потому что объявленія, о которыхъ идетъ рѣчь въ искомомъ прошеніи, не только доставлены, но и исходятъ отъ правительственныхъ учреждений, этого въ сущности и не отрицаетъ другой повѣренный истца, г. Сліозбергъ. По его мнѣнію, подъ исходящими отъ правительства объявленіями слѣдуетъ понимать публикуемыя въ осуществленіе власти даннаго мѣста. Объявленія же, о которыхъ идетъ рѣчь, вполне подходятъ подъ это опредѣленіе, потому что объявленія такого же содержанія, но не исходящія отъ подлежащей власти лишены всякаго значенія; разсужденіе же г. Сліозберга о томъ, что объявленія эти производятся по инициативѣ частныхъ лицъ, которыя вносятъ за нихъ опредѣленный закономъ сборъ и что по сему эти объявленія публикуются не въ осуществленіе власти, а для регистраціи, лишены всякаго основанія, ибо производство по гражданскимъ дѣламъ спорнымъ и охранительнымъ, возникаетъ, совершается и приводится къ окончанію по инициативѣ частныхъ лицъ (физическихъ и юридическихъ) и за ихъ счетъ; но тѣмъ не мѣнѣе судопроизводственные дѣйствія, къ числу которыхъ принадлежатъ и публикаціи, являются осуществленіемъ власти, а не регистраціею. По симъ соображеніямъ С.-Петербургская судебная палата утвердила рѣшеніе С.-Петербургскаго окружнаго суда.

Симферопольскій окружный судъ.

Истязаніе.

10 іюня въѣздной сессіей симферопольскаго окружнаго суда по уголовному отдѣленію безъ участія прис. засѣдат. слушалось въ Феодосіи дѣло о вдовѣ плацъ-майора Еленѣ Викторовнѣ Быстрицкой, обвиняемой въ побужденіи къ самоубійству рядового 52-го пѣхотнаго Виленскаго полка Павла Луккина Шкуратова, жестокимъ съ нимъ обращеніемъ. Обстоятельства дѣла, какъ выяснилось изъ обвинительнаго акта, слѣдующія. 21 августа 1897 г. въ гор. Феодосіи покончилъ жизнь самоубійствомъ рядовой 52-го Виленскаго полка Павелъ Шкуратовъ, служившій денщикомъ у штабсъ-капитана того полка Федора Михайлова. Вскрытіемъ трупа установлена смерть черезъ самоповѣшеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ установлено крайне плохое питаніе покойнаго, его голоданіе, причѣмъ, между прочимъ, на обѣихъ колѣняхъ и поясницѣ были усмотрѣны кровоподтеки отъ ударовъ, нанесенныхъ твердымъ и тупымъ орудіемъ. Слѣдствіемъ установлено было, что Михайловъ въ указанное время находился въ Севастополѣ на лѣтнихъ лагеряхъ, и въ домѣ у него оставалась Елена Быстрицкая, которая являлась полной хозяйкой дома и барыней для его денщиковъ. Она была злой и сварливой женщиной, и денщикамъ у нея жилое вообще очень дурно. Они постоянно мѣнялись черезъ недѣлю, много черезъ двѣ: одни уходили сами, другихъ прогоняла Быстрицкая, она иначе не обращалась съ ними, какъ съ самой неприличной площадной руганью, била ихъ, чѣмъ понало, плевала въ лицо, и все это безъ повода или по очень ничтожнымъ причинамъ. Въ кухнѣ денщики только ночевали, а затѣмъ съ ранняго утра до поздняго вечера должны были находиться на дворѣ, не имѣя права выйти куда-либо, даже въ конюшню, несмотря ни на какую погоду. Однако, самымъ тяжелымъ являлось то, что она ихъ держала въпроголодь, почти что морила голодомъ и вдобавокъ запрещала имъ столноваться въ ротѣ. На столько тяжело жилое денщикамъ у Михайлова благодаря Быстрицкой, что къ нему никто не хотѣлъ идти жить, и приходилось присылать денщиковъ противъ ихъ воли. Одинъ изъ бывшихъ денщиковъ, рядовой Федоренко такъ характеризуетъ жизнь у Быстрицкой: „Врагу не пожелаю попасть туда въ денщики; чѣмъ туда идти, лучше въ пекло или въ каторжныя работы“. Другой денщикъ Букреевъ говоритъ, что, когда его Быстрицкая отпирала въ роту, онъ такъ обрадовался „будто на родину опустели, будто изъ пекла вырвался“. Иногда Быстрицкая приказывала дѣлать прямо противную работу. Жалобы на нее приводили къ отрицательнымъ результатамъ, оканчиваясь наложеніемъ взысканія на денщиковъ. Съ апрѣля 1897 года въ денщики къ Михайлову поступилъ Павелъ Шкуратовъ. Это былъ смиренный, покорный и робкій человекъ и, вѣроятно, поэтому Быстрицкая съ нимъ обращалась особенно жестоко. Свидѣтели Шабановъ, Максимовъ, Фрайманъ, Тернова и другіе видѣли, какъ она его била, чѣмъ понало, плевала ему въ лицо, ругала самой площадной, неприличной бранью, работатъ же заставляла даже по ночамъ, посылая собирать по городу арбузные корки; ко всему этому настолько скудно кормила, что, какъ показала свидѣтельница Тернова, Шкуратовъ потихоньку бралъ хлѣбъ, приготовленный для коровы. Ходилъ Шкуратовъ совершеннымъ оборванцемъ и изъ вопль адороваго человека, за время пребыванія у Михайлова, превратился въ худого, блѣднаго и истощеннаго. За два дня до смерти Шкуратовъ заходилъ въ мѣстный лазаретъ и съ отчаяніемъ передавалъ эпопею своей грустной жизни: ему нѣтъ житья, хоть бросайся въ воду; она его ругаетъ, бьетъ, мучитъ работой, по трое сутокъ не даетъ ѣсть,

запрещая гдѣ бы то ни было довольствоваться. Онъ пробовалъ жаловаться Михайлову, но тотъ только побилъ его и пригрозилъ отдать подъ судъ. Больные накормили Шкуратова изъ своихъ порцій, и онъ уходя сказалъ: теперь опять пойду голодать на три дня. Какихъ-либо постороннихъ причинъ, которые побудили бы Шкуратова къ самоубійству, по дѣлу не установлено, и до поступленія къ Михайлову онъ былъ здоровъ и бодръ, измѣнился же лишь на службѣ у послѣдняго. Елена Быстрицкая, привлеченная въ качествѣ обвиняемой въ побужденіи къ самоубійству жестокимъ обращеніемъ Павла Шкуратова, не признала себя виновной и объяснила, что ни съ Шкуратовымъ, ни съ другими денщиками она не обращалась жестоко, а, напротивъ того, они съ нею дурно обращались, постоянно ее ругали площадными словами; ѣли они отъ господскаго стола въ достаточномъ изобиліи и показанія свидѣтелей въ этомъ отношеніи ложны. Разъ только, когда Шкуратовъ сталъ ее ругать, она не выдержала и бросила въ него вѣнникомъ, а другой разъ плюнула ему за это въ лицо. Что побудило къ самоубійству Шкуратова, она не знаетъ, но думаетъ, что его семейная жизнь, такъ какъ онъ жаловался ей, что женился на безчестной дѣвушкѣ. Однако, это заявленіе не нашло себѣ подтвержденія въ данныхъ настоящаго дѣла, и Шкуратовъ своимъ товарищамъ жаловался не на свою семейную жизнь, а на Быстрицкую.

На основаніи изложеннаго, вдова плацъ-майора Елена Викторовна Быстрицкая обвиняется въ томъ, что, находясь въ сожителствѣ съ штабсъ-капитаномъ Федоромъ Михайловымъ и пользуясь въ силу этихъ особыхъ отношеній властью надъ денщикомъ Павломъ Шкуратовымъ, жестоко съ нимъ обращалась, морила его голодомъ и явнымъ злоупотребленіемъ власти, соединеннымъ съ жестокостью, довела его до того, что онъ, не выдержавъ такой жизни, 21 августа 1897 года покончилъ съ собой самоубійствомъ черезъ повѣшеніе, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1476 ст. улож. о нак.

Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя И. А. Выставкинъ при членѣ суда г. Афанасьевѣ и поч. мир. судѣѣ Ф. П. Дуранте; обвинялъ тов. прокурора г. Кернъ, защищалъ прис. пов. Исаковичъ.

Подсудимая, на вопросъ предсѣдателя о виновности, отвѣчаетъ отрицательно, и судъ приступаетъ къ допросу цѣлага ряда свидѣтелей. Изъ вызванныхъ по дѣлу 27 свидѣтелей не явилось 7. Первымъ даетъ показаніе свидѣль Шабановъ, очевидно расправы подсудимой со Шкуратовымъ, за опрокинутое теленкомъ ведро съ водою. Свидѣтель видѣлъ, какъ Быстрицкая наносила Шкуратову удары и плевала ему въ лицо. Затѣмъ, предъ судомъ проходитъ рядъ свидѣтелей, служившихъ у Михайлова денщиками, показанія ихъ вполнѣ подтверждаютъ факты, изложенные въ обвинительномъ актѣ, и всѣ они говорятъ о жестокостяхъ съ ними обращеніи Быстрицкой.

Свид. Контовъ, бывший фельдфебель роты, рассказываетъ, что денщики жаловались на скверную пищу, на посягательства со стороны Быстрицкой на побой, и ему приходилось докладывать Михайлову, что люди не хотятъ къ нему идти служить.

Свид. Епифановъ пробывъ денщикомъ одинъ день и Быстрицкая ругала и плевала ему въ глаза, вслѣдствіе чего онъ ушелъ въ роту.

Свид. Селивановъ показываетъ, что Шкуратовъ жаловался ему на голоданіе у Быстрицкой и на побой Михайлова, который за непослушаніе Быстрицкой грозилъ Шкуратову судомъ. Всѣ денщики-свидѣтели показываютъ, что Быстрицкая, которую они называли барыней, была женщина сердитая, и если не всѣхъ била, то часто оставляла безъ ѣды.

Свид. штабсъ-кап. Михайловъ показываетъ, что Шкуратовъ тосковалъ, не получая отвѣта на свои письма, и находилъ ближайшую причину самоубійства его въ семейномъ положеніи. Иные ден-

щики действительно жаловались свидетелю на Быстрицкую и позднее получение ими пищи, но онъ объяснялъ тѣмъ, что и самъ не всегда въ одно время объѣдалъ. На вопросъ тов. прокурора, какъ свидетель относился къ побоямъ, наносимымъ Быстрицкой денщикамъ, Михайловъ сказалъ, что она иногда действительно била денщиковъ, и что за это ей доставалось.

Свид. врачъ Муралевичъ показалъ, что, присутствуя при вскрытїи трупа Шкуратова, онъ былъ пораженъ видѣннымъ: онъ только въ клиникахъ видѣлъ трупу съ такимъ истощеннымъ организмомъ, какъ у Шкуратова—это были трупы умершихъ отъ крайне изнурительной болѣзни. При здоровыхъ легкихъ, нормальныхъ органахъ и неразстроенной нервной системѣ трупъ Шкуратова поражалъ совершенной пустотой желудка и полнымъ отсутствіемъ жировыхъ отложений. Изъ фигурировавшихъ на судѣ свидетелей только двѣ свидетельницы защиты—Личинская и Солонина показывали въ пользу Быстрицкой, отрицавъ жестокое обращеніе послѣдней съ денщиками. Личинская, кромѣ того, показала, что Шкуратовъ, на ея глазахъ, гнался разъ за убѣгавшей отъ него Быстрицкой. Намекъ на какія-то преслѣдованія Быстрицкой со стороны Шкуратова имѣлся также въ показанїи свид. Михайлова, не пояснившего своего намека, какъ онъ заявилъ, вслѣдствіе присутствія въ залѣ посторонней публики.

Товарищъ прокурора въ краткой рѣчи указалъ, что отношенія между Быстрицкой и Шкуратовымъ не были таковыми, чтобы дѣянїя ея, безусловно преступныя, можно было бы подвести подъ 1476 ст. ул. о нак. Преступленіе Быстрицкой предусмотрено 142 ст. ул. о нак., но привлеченіе ея по этой статьѣ къ отвѣтственности могло состояться лишь по жалобѣ потерпѣвшаго, въ виду чего товарищъ прокурора отказался отъ обвиненїя. Защитникъ подсудимой прис. пов. Исаковичъ, признавая дѣйствїя Быстрицкой по отношенїю къ денщикамъ „не гуманными“, указалъ, однако, на неполноту предварительнаго слѣдствїя, не выяснившего причинной связи между самоубійствомъ Шкуратова и дѣйствіемъ Быстрицкой—тѣмъ болѣе, что слѣдствіе не сочло нужнымъ собрать какія-либо справки о семейномъ положенїи и жизни Шкуратова на родинѣ.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанїя подсудимой Быстрицкой вынесенъ былъ оправдательный вердиктъ. (Кр. Вѣстн.).

Костромской окружный судъ.

(Обвиненіе въ клеветѣ).

Пр. повѣренный Рушинъ возбудилъ противъ ген.-лейт. Энгельгардта преслѣдованіе по 1535 ст. ул. о нак.

Поводомъ къ настоящему обвиненїю послужило то, что въ концѣ своего объясненїя на апелляціонную жалобу генераль-лейтенанта барона Энгельгардта, принесенную послѣднимъ на рѣшеніе ярославскаго окружнаго суда, постановившаго изъять изъ владѣнїя Энгельгардта лавки, составляющія собственность Ильинской церкви, повѣренный этой церкви, прис. пов. Рушинъ, поставилъ слѣдующій вопросъ: „Неужели Энгельгардтъ не чувствуетъ грознаго обвиненїя въ святотатственномъ отнятїи у церкви ея святого достоянїя, прїобрѣтеннаго на приносимыя ленты пожертвованїями торговцевъ?“

Г. Энгельгардтъ обидѣлся на эти слова и подалъ протестъ прокурору московскаго окружнаго суда, прося привлечь прис. повѣр. Рушина къ отвѣтственности, и, между прочимъ, заявилъ слѣдующее: „Г. Рушинъ въ объясненїи своемъ ссылается на показанїя свидетелей, но эти свидетели „были имъ подобраны“ и спрошены по его желанїю; г. Рушинъ зналъ по документамъ и книгамъ Ильинской церкви,

что показанїя свидетелей „ложны“, такъ какъ эти показанїя опровергаются церковными книгами и документами, и потому г. Рушинъ оправдываетъ свою клевету на меня ссылкой на „завѣдомо ему невѣрныя“ показанїя не можетъ“.

Прис. повѣр. Рушинъ, усматривая въ этомъ заявленїи барона Энгельгардта клевету, позорящую его честь и доброе имя, обратился къ защитѣ костромскаго окружнаго суда, при которомъ онъ болѣе двадцати лѣтъ состоитъ въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго

Дѣло это неоднократно откладывалось за неимѣніемъ у г. Энгельгардта казеннаго защитника; наконецъ, г. Энгельгардтъ, отчаявшись найти себѣ такового, просилъ судъ не назначать ему защитника, выражая надежду найти себѣ защитника.

Ни г. Энгельгардтъ, ни его защитникъ въ назначенное время на судѣ не явились, вслѣдствіе чего г. Рушинъ просилъ постановить заочный приговоръ, при чемъ представилъ копїи рѣшенїя ярославскаго окружнаго суда отъ 23—30 июня 1895 г., и московской судебной палаты отъ 2—16 сентября 1897 г. по дѣлу о захватѣ барономъ Энгельгардтомъ принадлежавшихъ церкви села Ильинскаго-Хованскаго лавокъ.

Въ рѣшенїи окружнаго суда прямо указано, что захватъ г. Энгельгардтомъ церковнаго имущества воплѣнъ доказанъ не только „длиннымъ рядомъ свидетелей“, но и рядомъ письменныхъ документовъ и церковныхъ книгъ, и „свидѣтели лишь подтвердили сущность письменныхъ доказательствъ“, съ которыми показанїя эти стоятъ въ полномъ соотвѣтствїи; что допущенное Энгельгардтомъ нарушеніе касалось имущественнаго права церкви, неприкосновенность котораго всегда особо охранялась закономъ, и что „для осуществленїя своего предполагаемаго права Энгельгардтъ прїобрѣнулъ къ насилью“.

Рѣшеніе судебной палаты, утвердившей рѣшеніе суда объ изъятїи изъ рукъ Энгельгардта церковной собственности, заканчивается категорическимъ утвержденїемъ, что „всѣ доводы апеллятора (Энгельгардта) о неосновательности иска церкви представляются *мнѣніями вслако основанїя*“.

По глубокому убѣжденїю потерпѣвшаго г. Рушина нельзя допустить возможность подбора „длиннаго ряда“ лжесвидѣтелей, а, въ особенности, если свидѣтельскія показанїя главнымъ образомъ были добыты, по просьбѣ повѣреннаго церкви, путемъ „дознанїя чрезъ околныхъ людей“, и, какъ это констатировалъ ярославскій окружный судъ въ своемъ рѣшенїи, „лишь подтвердили сущность письменныхъ доказательствъ“.

Рѣшенїемъ костромскаго окружнаго суда, какъ сообщаетъ „Моск. Листо“, признано: что выраженїе Энгельгардта, что свидетели были повѣренными церкви, присяжнымъ повѣреннымъ Рушинымъ, *подобраны и опрошены по его указанїю*, не является обвиненїемъ въ дѣянїи, противномъ правиламъ чести, ибо свидѣтельскія показанїя, какъ доказательство въ гражданскомъ дѣлѣ, не иначе могутъ быть допущены судомъ, какъ по указанїю и просьбѣ одной изъ тяжущихся сторонъ, отъ которой, слѣдовательно, зависитъ *выбрать (или, что то же самое, подобрать)*, что Энгельгардтъ вполне добросовѣстно считалъ, что документы включаютъ правдивость свидѣтельства допрошенныхъ судомъ лицъ; что при этомъ условїи нѣтъ основанийъ приписывать ему намѣреніе оскорбить Рушина завѣдомо ложнымъ обвиненїемъ въ безчестномъ дѣянїи; что приведенныя выраженїя представляются только нѣсколькимъ рѣзкими и вызванными также рѣзкостью Рушина, а потому, въ виду изложеннаго, не усматривается въ дѣянїи Энгельгардта состава преступленїя, предусмотреннаго ст. 1535 улож. о нак., вслѣдствіе чего подсудимаго генераль-лейтенанта барона В. Я. Энгельгардта, на основ. 1 и 771 ст. ст. ул. о нак., считать по суду оправданнымъ.

Московский мировой съездъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Судебная ошибка.

12 лѣтъ тому назадъ, въ мартѣ 1887 года, мировой судья Екатерининскаго участка г. Москвы осудилъ бр. Усачевыхъ, признавъ ихъ виновными въ кражѣ трехъ паръ обуви у г-жи Гаврино, и приговорилъ къ тюремному заключенію — одного на 10 мѣсяцевъ, а другого — на 6.

Приговоръ этотъ не былъ обжалованъ въ установленномъ апелляціонномъ порядкѣ, оба брата отбыли положенное имъ наказаніе.

Невинно-осужденные, каковыми считали себя бр. Усачевы, по выходѣ изъ тюрьмы, поставили задачей своей жизни реабилитацию своей чести.

Иванъ Усачевъ усердно занялся своимъ самообразованиемъ и занялся изученіемъ законовъ. Добиться выясненія своего дѣла стало своего рода мавіей у него.

Прошло 12 лѣтъ, и вотъ бр. Усачевы подаютъ прошеніе мировому судѣй Екатерининскаго участка о восстановленіи для нихъ срока на подачу апелляціи на приговоръ мирового судьи отъ 23 марта 1887 года — случай довольно рѣдкій въ судебной практикѣ.

Выслушавъ объясненія апелляторовъ и свидѣтелей, присутствовавшихъ 12 лѣтъ тому назадъ на разбирательствѣ дѣла Усачевыхъ, мировой судья нашелъ доказаннымъ, что Усачевы, по объявленіи имъ приговора, остались таковымъ недовольны и просили дѣло перенести въ съездъ, т. е. заявили словесный апелляціонный отзывъ, который не былъ почему-то занесенъ судьей въ протоколъ. Усачевы же, по причинѣ недостаточно точнаго объясненія имъ судьей порядка обжалованія, допустили невольную ошибку, не приславъ въ установленный срокъ апелляціоннаго отзыва. Въ виду этихъ соображеній мировой судья постановилъ: восстановить для братьевъ Усачевыхъ срокъ на подачу апелляціи на приговоръ мирового судьи отъ 23 марта 1887 года.

Бр. Усачевы принесли апелляціонный отзывъ въ съездъ мировыхъ судей, гдѣ дѣло дважды откладывалось слушаніемъ за неявкой необходимыхъ свидѣтелей.

Наконецъ 17 іюня насталъ давно желанный день для много пострадавшихъ братьевъ.

Съездъ, разобравъ дѣло и выслушавъ заключеніе прокурора, протестовавшаго противъ восстановленія срока на подачу апелляціонной жалобы, какъ противнаго судебнымъ уставамъ, постановилъ считать братьевъ Усачевыхъ по суду оправданными.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

финляндскому генералъ-губернатору.

При закрытіи вами, 18 мінуваго мая, чрезвычайнаго сейма, представители сословій довели до Моего свѣдѣнія о тревожномъ ихъ настроеніи, вызванномъ предстоящимъ преобразованиемъ воинской повинности въ Великому Княжествѣ Финляндскомъ и обнародованіемъ Манифеста 3 февраля сего года.

Къ прискорбію Моему, изъ рѣчей ландмаршала и тальмановъ Я усматриваю, что земскіе чины не усвоили соображеній общегосударственной пользы, коими необходимость этихъ мѣръ обуславливается, и дозволили себѣ неумѣстныя о нихъ сужденія. Поручаю вамъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что сужденія сіи неправоильны и не соответствуютъ установившемуся съ начала нынѣшняго столѣтія положенію дѣлъ, при коемъ Фин-

ляндія есть составная часть Государства Россійскаго, съ нимъ нераздѣльная.

Я желаю также, чтобы финскому народу было извѣстно, что, принявъ при восшествіи на Престолъ священный долгъ пеишь о благѣ всехъ народностей, Россійской Державѣ подвластныхъ, Я призналъ за благо сохранить за Финляндіей особый строй внутренняго законодательства, дарованный ей Моиими Державными Предками. Въ то же время, Я принялъ на Себя, какъ наслѣдіе прошлаго, заботу объ опредѣленіи силою положительнаго закона отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. Въ этихъ видахъ Мною утверждены основныя положенія 3 февраля сего года, опредѣляющія правила объ изданіи общегосударственныхъ законовъ, касающихся Финляндіи. Въ порядкѣ, указанномъ симъ законодательнымъ актомъ, непоколебимымъ и впредь, получать дальнѣйшее направленіе труды чрезвычайнаго сейма и будутъ приняты въ соображеніе при окончательномъ начертаніи военнаго закона.

Ожидая отъ васъ настойчиваго образа дѣйствій къ утвержденію въ умахъ населенія края истиннаго значенія мѣръ, предпринимаемыхъ для укрѣпленія связи Имперіи и Великаго Княжества, Я надѣюсь, что вѣрно-подданическая преданность финскаго народа, въ которой Я не сомнѣваюсь, будетъ засвидѣтельствована на дѣлѣ и облегчитъ вамъ исполненіе Моихъ предначертаній.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Хроника.

Проектъ министерства финансовъ о мѣрахъ и вѣсахъ, содержаніе котораго сообщено было въ № 12 нашей газеты, получилъ 4 іюня законодательное утвержденіе, съ весьма, однако, существенными измѣненіями. Къ таковымъ прежде всего относятся измѣненія, касающіяся предположеній проекта о повѣркѣ и клейменіи торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. Въ настоящее время повѣрка и клейменіе сихъ приборовъ и снарядовъ производится въ каждомъ губернскомъ городѣ, а по мѣрѣ надобности разбѣшается и въ уѣздныхъ городахъ (ст. 689 уст. торг.). Между тѣмъ, согласно проекту (ст. 19), къ каждой повѣрочной палаткѣ можетъ быть приписано не только нѣсколько уѣздовъ, но и губерній. Созданіе столь крупныхъ районовъ дѣйствія повѣрочныхъ палатокъ естественно пошло бы въ разрѣзъ съ интересами торговли и промышленности, постоянное развитіе которыхъ не допускаетъ сокращенія въ Имперіи числа повѣряющихъ мѣры и вѣсы учреждений. Не менѣе обременительнымъ оказался бы и предлагаемый проектомъ способъ производства періодической повѣрки примѣняемыхъ къ торговлѣ мѣръ и вѣсовъ. Повѣрку эту предполагалось производить въ самихъ повѣрочныхъ палаткахъ, причемъ доставка подлежащихъ повторительному клейменію предметовъ должна была быть возложена на обязанность ихъ владѣльцевъ. Помимо того обстоятельства, что доставленіе мѣръ и вѣсовъ въ палатки сопряжено со значительными расходами, проектировавшійся порядокъ былъ

бы неудобень и потому, что у многих торговцев и промышленников имѣется лишь по одному комплекту мѣръ и вѣсовъ, отправка которыхъ въ повѣрочныя учреждения была бы сопряжена съ временнымъ прекращеніемъ торговли. Въ виду этихъ соображеній Высочайше утвержденнымъ 4 іюня с. г. мѣрнѣемъ Государственнаго Совѣта министру финансовъ предоставлено право открыть въ 1900 и 1901 г. по пяти повѣрочныхъ палатокъ, не предуказывая мѣстностей, въ которыхъ онѣ имѣютъ быть учреждены, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы районы дѣйствій каждой изъ нихъ не только не выходили изъ предѣловъ отдѣльныхъ губерній, но по возможности ограничивались даже частью губерній, и чтобы періодическая повѣрка мѣръ и вѣсовъ производилась обязательно на мѣстахъ командированными съ этою цѣлью во всѣ населенные пункты приписанныхъ къ повѣрочной палаткѣ мѣстностей повѣрителями и другими должностными лицами финансового вѣдомства, находящимися въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ и достаточно для сего подготовленными (напр., чинами пробирныхъ учреждений, техниками и т. п.). Въ мѣстностяхъ же, въ которыхъ повѣрочныя палатки не будутъ открыты, періодическая повѣрка мѣръ и вѣсовъ отложена до времени открытія этихъ учреждений.

Что касается до проектировавшихся министерствомъ финансовъ измѣненій въ постановленіяхъ уложенія о нак., относящихся до мѣръ и вѣсовъ, то измѣненія эти не получили законодательнаго утвержденія, въ виду ожидаемаго въ непродолжительномъ времени утвержденія проекта новаго уголовного уложенія, въ которомъ вопросъ этотъ можетъ получить наиболѣе правильное разрѣшеніе. Наконецъ, признано возможнымъ дѣйствіе большинства заключающихся въ проектѣ правилъ распространить одновременно на всю Имперію. Исключеніе составляютъ лишь постановленія новаго закона о порядкѣ представленія для вывѣрки въ повѣрочныя палатки мѣръ и вѣсовъ, о взносѣ установленныхъ за клейменіе этихъ предметовъ сборовъ, а равно о повторительныхъ, черезъ каждые три года, повѣркѣ и клейменіи торговыхъ мѣръ и вѣсовъ.

Въ № 73 Собр. узакон. и распор. правит. опубликовано **Положеніе 25 мая о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ**. Согласно этому Положенію, почетнымъ дворянамъ предоставляется учреждать изъ принадлежащихъ имъ какъ родовыхъ, такъ и благопріобрѣтенныхъ земельныхъ имуществъ временно-заповѣдныя имѣнія. Минимальная стоимость временно-заповѣднаго имѣнія 15 тыс. руб., за вычетомъ долга Дворянскому банку или его особому отдѣлу. Высшій размѣръ временно-заповѣдныхъ имѣній назначенъ въ десять тысячъ десятинъ земли. Имѣніе, заложенное въ Дворянскомъ банкѣ или его особомъ отдѣлѣ, обращается во временно-заповѣдное съ согласія подлежащаго кредитнаго учрежденія, если сумма банковаго долга въ непогашенной части не превышаетъ *шести-десяти* процентовъ опѣнки, произведенной при залогѣ. Отказъ въ согласіи со стороны банка можетъ послѣдовать *только*, когда на имѣніи числятся недоимки въ срочныхъ платежахъ или когда имѣніе обезцѣнено вла-

дѣльцемъ и не обезпечиваетъ банковаго долга. Одно и то же лицо можетъ учредить нѣсколько отдѣльныхъ временно-заповѣдныхъ имѣній. Обращеніе имѣнія во временно-заповѣдное совершается крѣпостнымъ актомъ, на основаніи Положенія о нотаріальной части. По общему правилу, владѣлецъ временно-заповѣднаго имѣнія не можетъ отдавать его въ залогъ и вообще обременять долгами.

Владѣльцамъ временно-заповѣдныхъ имѣній, заложенныхъ въ Дворянскомъ банкѣ или его особомъ отдѣлѣ, предоставляются особыя льготы по взысканію недоимокъ въ срочныхъ платежахъ банку. Въ случаѣ неуплаты двухъ полугодовыхъ банковыхъ платежей съ временно-заповѣднаго имѣнія банкъ или его отдѣлъ снимается съ мѣстною дворянскою опекою объ учрежденіи опекунскаго управленія надъ имѣніемъ неисправнаго заемщика. Назначенный на три года опекунъ долженъ принять мѣры къ своевременной уплатѣ срочныхъ платежей и недоимокъ. Опекунское управленіе прекращается по погашеніи недоимки или можетъ быть продолжено еще на три года, если погашено не менѣе половины недоимокъ. Если дворянская опека и мѣстное собраніе предводителей и депутатовъ признаютъ, что доходы съ имѣнія не могутъ покрыть текущихъ банковыхъ платежей, отъ Дворянскаго банка зависитъ либо принять имѣніе въ свое управленіе, либо, въ случаѣ признанія бесполезности этой мѣры, произвести взысканіе недоимки на общемъ основаніи. За исключеніемъ этого случая продажа временно-заповѣднаго имѣнія за невзносъ недоимки по срочнымъ банковымъ платежамъ не можетъ быть произведена ранѣе *трехъ* лѣтъ со дня взятія имѣнія въ опекунское управленіе.

Въ „Прав. Вѣстникѣ“ (отъ 26 іюня) обнародованъ Высочайше утвержденный 7 іюня 1899 г. **новый монетный уставъ**. Согласно ст. 3 устава, россійская монетная система основана на золотѣ. Государственная россійская монетная единица есть рубль, содержащій семнадцать цѣлыхъ и четыреста двадцать четыре тысячныхъ долей чистаго золота. Золотая монета чеканится какъ изъ золота, принадлежащаго казнѣ, такъ и изъ золота, представляемаго для сего частными лицами. Приносителямъ золота не можетъ быть отказано въ приѣмѣ онаго для передѣла въ монету, если количество представленнаго ими чистаго металла не менѣе одной четверти фунта (ст. 5). Серебряная и мѣдная монета чеканится единственно изъ металла, принадлежащаго казнѣ (ст. 12).

Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено отмѣнить взимаемую съ серебра горную подать.

Высочайше утвержденнымъ 11 іюня положеніемъ комитета министровъ **учреждается товарная биржа** въ одномъ изъ крупныхъ торговыхъ центровъ Поволжья—Царицынѣ. Учрежденіе въ Царицынѣ товарной биржи является весьма своевременнымъ; она будетъ служить дальнѣйшему подъему промышленности и торговли въ краѣ. Что касается устава царицынской биржи, то въ основу его положенъ уставъ одесской биржи, наиболѣе близкій къ условіямъ оптовой торговли Юго-Восточнаго края, съ нѣкоторыми измѣненіями, заимствованными изъ устава лодзинской биржи —

последняго по времени утверждения. Къ этому нужно прибавить, что царьинская биржа является исключительно товарною, такъ какъ уставомъ ея сделки съ фондами на ней не допускаются, что, по всей вѣроятности, объясняется опасеніемъ министерства финансовъ могущей возникнуть на этой биржѣ спекуляціи съ бумагами нефтепромышленныхъ предпріятій.

Проектъ о **взаимномъ земскомъ перестрахованіи**, разрабатываемый страховымъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ, будетъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта въ нынѣшнемъ же году.

Съ изданіемъ положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ и съ замѣною гильдейскихъ свидѣтельствъ и другихъ торгово-промышленныхъ документовъ общимъ типомъ промысловыхъ свидѣтельствъ въ большинствѣ губернскихъ городовъ возникъ вопросъ о томъ, какія лица и учрежденія изъ числа выбирающихъ промысловыя свидѣтельства о промысловомъ налогѣ имѣютъ нынѣ право участія въ **выборахъ городскихъ гласныхъ**, такъ какъ дѣйствующее городское положеніе не предусматриваетъ промысловыхъ свидѣтельствъ, а имѣетъ въ виду свидѣтельства гильдейскія. Министерство внутреннихъ дѣлъ по этому поводу на дняхъ разъяснило, что выборными правами могутъ пользоваться лица и учрежденія, которыя не менѣе года содержатъ въ предѣлахъ городского поселенія слѣдующія предпріятія, требующія выборки промысловыхъ свидѣтельствъ: въ столицахъ — предпріятія торговыя перваго разряда, промышленныя — одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ и пароходныя, за содержаніе которыхъ уплачивается въ годъ свыше 500 руб. основного промысловаго налога. Въ другихъ же городахъ избирательными правами пользуются торговыя предпріятія перваго и втораго разрядовъ, промышленныя — первыхъ пяти разрядовъ, и пароходныя, за содержаніе которыхъ уплачено свыше 50 руб. въ годъ основного промысловаго налога. При этомъ выборка купеческихъ свидѣтельствъ, какъ устанавливающихъ лишь сословныя права, безотносительно къ производству промысловыхъ дѣйствій, при опредѣленіи права на участіе въ городскихъ выборахъ не имѣетъ никакого значенія.

Съ изданіемъ Высочайшаго повелѣнія 1895 г. объ ежегодномъ отпускѣ изъ казны 3.272,205 руб. на нужды церковно-школьнаго дѣла, макарьевское Нижегородской губерніи, уѣздное земское собраніе въ сессію же 1895 года постановило **исключить изъ уѣздной смѣты 1896 года пособіе церковнымъ школамъ** въ 3,635 руб., а съ 1897 г. отказаться вовсе отъ какихъ-либо расходовъ на эти школы. Депутатъ отъ духовнаго вѣдомства въ макарьевскомъ земскомъ собраніи обжаловалъ это постановленіе въ губернское по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе, но жалоба его была оставлена безъ послѣдствій. Тогда свящ. Орловскій принесли жалобу Сенату, въ которой указалъ, что согласно Высочайшему повелѣнію 23 декабря 1878 г., земское собраніе не имѣло права прекратить выдачу пособія церковно-приходскимъ школамъ, такъ какъ означенный расходъ опредѣленной срочности не имѣлъ,

а потому долженъ считаться для земства обязательнымъ. Однако Сенатъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашелъ, что „по неоднократнымъ разъясненіямъ его обжалованіе опредѣлений земскихъ собраній, постановленныхъ по большинству голосовъ, не предоставлено закономъ отдѣльнымъ гласнымъ, оставшимся въ меньшинствѣ, а посему жалоба свящ. Орловскаго, какъ участвовавшего въ земскомъ собраніи на правахъ гласнаго, обсужденію Сената по существу не подлежитъ“. Входя, однако, въ порядкѣ надзора, въ разсмотрѣніе настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что, „такъ какъ выдача макарьевскимъ земствомъ пособій церковно-приходскимъ школамъ производилась на основаніи правилъ, утвержденныхъ 1889 году земскимъ собраніемъ, а по § 6 этихъ правилъ всякая школа, имѣющая насущную необходимость въ пособіи земства, должна ежегодно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обращаться съ просьбою по сему предмету въ уѣздную управу, то нельзя не признать, что производившіяся земствомъ назначенія въ пособіе школамъ имѣли срочный характеръ и что поэтому примѣненіе къ нимъ закона 23 октября 1878 года не можетъ имѣть мѣсто“. На этихъ основаніяхъ жалоба свящ. Орловскаго, какъ сообщаютъ „Русск. Вѣд.“, оставлена Сенатомъ безъ послѣдствій.

„Приаз. Край“ сообщаетъ, что въ министерствѣ юстиціи окончательно рѣшено образовать на юго-востокѣ Россіи **новый округъ суд. палаты**. Старшему предѣдателю Харьковской суд. палаты сдѣланъ запросъ, какому изъ городовъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе для мѣстопробыванія палаты: Ростову ли, Таганрогу, Екатеринославу или Новочеркаску.

„Куб. Обл. Вѣд.“ приводятъ любопытный **приговоръ калужскаго станичнаго сбора**, которымъ сборъ уполномочиваетъ учительницу Вагнеръ, „какъ уважившую нашей просьбѣ и выразившую желаніе вести дѣло безвозмездно, доложить начальству нашу нужду и хлопотать предъ нимъ о скорѣйшемъ надѣлѣ нашей станицы дополнительнымъ надѣломъ земли“.

Въ Умані, по сообщенію „К. Сл.“, разбиралось **дѣло по обвиненію пом. прис. повѣр. Звоницкаго** и г. Бернштейна въ томъ, что ими былъ выпущенъ литографированный порнографическаго содержанія листокъ, въ которомъ ими были оклеветаны многіе представители и представительницы уманскаго еврейскаго общества. Судомъ вынесенъ приговоръ, коимъ З. оправданъ, а Б. приговоренъ къ 7-ми-дневному аресту. Разборъ дѣла длился 4 дня.

9 іюня мировымъ судьей г. Новочеркасска разсмотрѣно **дѣло по обвиненію Е. въ неисполненіи требованій полиціи**. Неисполненіе это со стороны Е. выразилось въ томъ, что 6 мая надъ домомъ его не были вывѣшены флаги. На судѣ обвиняемый спрашивалъ: на основаніи какого закона или же обязательнаго постановленія требуетъ отъ него полиція украшать свой домъ флагами. Единственнымъ отвѣтомъ служила ссылка въ протоколѣ полиціи на 129 ст. уст. о пред. и пресѣч. прест., гласящую, что „полиція наблюдаетъ, чтобы въ

тѣхъ торжественныхъ случаяхъ, когда признается возможнымъ *дозволить* украшеніе зданій флагами, былъ исключительно употребляемъ русскій флагъ“. Такъ какъ приведенная статья говоритъ о *дозволеніи*, а не о *приказаніи* украшать флагами зданія, то, естественно, что Е. и не могъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности за неисполненіе незаконнаго требованія полиціи *непремѣнно* украсить домъ флагами. Мировой судья оправдалъ Е. (Донск. Рѣчь).

На-дняхъ, по постановленію Бакинскаго окружнаго суда, была произведена **ревизія дѣлъ мѣстныхъ судебныхъ приставовъ**, причемъ оказалось, что у каждаго изъ нихъ нѣсколько сотъ исполнительныхъ листовъ городскихъ не приведены въ исполненіе по словеснымъ заявленіямъ городского повѣреннаго. Почему защитникъ интересовъ города такъ откладывалъ исполненіе по листамъ, неизвѣстно, но о такомъ дѣйствіи судебныхъ приставовъ на-дняхъ будетъ доложено общему собранію окружнаго суда. (Каспій)

Въ Ростовѣ-на-Дону на-дняхъ окружнымъ начальникомъ **устраненъ отъ должности полицейскій урядникъ 5-го засѣдательскаго участка Гончаровъ** за служебныя проступки, выразившіяся въ неумѣстномъ вмѣшательствѣ его въ церковныя и общественныя дѣла, которыя не входятъ въ кругъ его служебныхъ обязанностей, а также въ дерзкомъ обращеніи со станичнымъ атаманомъ, подбесауломъ Суржинымъ. Смѣлость Гончарова доходила, по словамъ „Донской Рѣчи“, до крайнихъ предѣловъ. Такъ напримѣръ, будучи въ Недвиговской церкви, во время богослуженія, онъ указывалъ порядокъ перенесенія евангелія изъ среды церкви въ алтарь и обозвалъ сторожа неприличными словами.

16 іюня въ Царцынѣ, на Соборномъ взвозѣ **конный полицейскій преслѣдовалъ убогаго мужичонка** и нещадно наносилъ ему удары плетью. Ища спасенія отъ своего преслѣдователя, бѣдняга бросился къ пристани пароходства Зевеке, надѣясь тамъ найти защиту. Не найдя защиты у сторожа пристани и преслѣдуемый полицейскимъ, избитый на глазахъ у полицейскаго и пристанскаго сторожа перекрестился и, со словами „простите братцы“, бросился за бортъ. Однако, его успѣли спасти. Обѣжался народъ. Намѣревавшійся было скрыться полицейскій 1-й части, по фамиліи Андреяновъ, былъ приглашенъ остаться; а избитый разсказалъ слѣдующую повѣсть, подтвержденную многочисленными очевидцами:

„Я, крестьянинъ Тобольской губ., Морозовъ, ночевалъ вмѣстѣ съ другими безработными въ бесплатномъ городскомъ ночлежномъ пріютѣ. Проснувшись утромъ, я не нашелъ своей фуражки. Думая, что она украдена, я, когда пріѣхалъ конный полицейскій Андреяновъ, разсказалъ ему о пропажѣ фуражки и сталъ просить его содѣйствія къ ея розыску. Вмѣсто того, онъ меня ударилъ плетью. Спасаясь отъ новыхъ ударовъ, я побѣжалъ изъ пріюта, но на меня посыпались удары за

ударомъ. Не видя другого исхода избѣжать истязанія, я съ отчаянія бросился въ Волгу“. „Россія“.

Въ Бердичевѣ на первый день св. Троицы молодой человекъ Х. отправился со своей невѣстой кататься въ лодкѣ. Спустя минутъ 20, отбѣхала отъ берега другая лодка, въ которой находилась компанія изъ восьми человекъ. Не доѣзжая до земли военнаго вѣдомства, компанія услышала душу раздирающіе крики: „спасите, помогите!..“ Сидящіе въ лодкѣ сейчасъ же поспѣшили къ тому мѣсту, откуда доносились крики, и увидѣли картину, отъ которой они буквально оцѣпенѣли: на травѣ лежала молодая дѣвушка, и **два солдата нанесли** ей и стоявшему возлѣ нея жениху **удары**; они били дѣвицу по головѣ, рукамъ, затѣмъ остервенѣвъ, они стали ногами топтать свою жертву, таскали за волосы, словомъ производили надъ ней настоящую инквизицію. Когда прибывшіе во второй лодкѣ нѣсколько пришли въ себя отъ охватившаго ихъ ужаса, они пытались оборонить дѣвушку, что имъ удалось только послѣ долгой борьбы съ озвѣрѣвшими солдатами.

На вопросъ одного изъ прибывшихъ во второй лодкѣ, за что солдаты били дѣвушку и молодого человека, они отвѣчали, что имъ велѣно никого не „пускать“ на берегъ и когда они замѣтили, что къ берегу причалила лодка, они сочли нужнымъ проучить ихъ. Дѣвушку избитую, окровавленную доставили въ городъ, гдѣ ей была подана медицинская помощь. (К. С.)

„Пр. Край“ сообщаетъ, что недавно проживающій въ Таганрогѣ крестьянинъ Курской губ., нѣкій Ш., былъ **вытребованъ по этапу на родину для того, чтобы быть высѣченнымъ**. Въ городскую таганрогскую полицію поступило требованіе одного волостнаго правленія Курской губерніи о высылкѣ туда по этапу, для отбытія наказанія, крестьянина Ш., приговореннаго волостнымъ судомъ къ 10 розгамъ за сравнительно незначительный проступокъ. Ш. отлично устроился въ Таганрогѣ, ничѣмъ предосудительнымъ себя здѣсь не заявилъ, но теперь онъ долженъ бросить мѣсто и ѣхать въ Курскую губернію для того, чтобы его пощѣкли розгами.

Въ министерствѣ юстиціи возникъ вопросъ объ **изъятіи Угличскаго и Мышкинскаго уѣздовъ, Ярославской губерніи** изъ юрисдикціи Кашинскаго окружнаго суда и подчиненія ихъ юрисдикціи Ярославскаго окружнаго суда („Сѣв. Кр.“).

Въ „Московск. Вѣд.“ воспроизведено **постановленіе липецкой городской думы**.

1) Контрактъ съ мѣстнымъ предводителемъ дворянства Кожинымъ на предметъ отдачи ему городскихъ земель подъ эксплуатацію желѣзной руды уничтожить, такъ какъ этотъ контрактъ былъ заключенъ городскимъ головой г. Покровскимъ неправильно и несогласно съ постановленіями на этотъ счетъ городской думы на собраніяхъ 4—8 ноября 1898 года. 2) На дѣйствія тамбовскаго губернатора и губернскаго по городскимъ

дѣламъ присутствія принести жалобу въ Правительствующій Сенатъ, такъ какъ эти инстанціи, безъ разсмотрѣнія протестовъ, по одному лишь личному, но неправильно и голословному объясненію городского головы, утвердили постановленіе Думы 4—8 ноября 1898 года. 3) о неправильныхъ дѣйствіяхъ, по вопросамъ о рудѣ городского головы г. Покровскаго сообщитъ подлежащему начальству, для привлеченія его, Покровскаго, къ отвѣтственности.

Зданіе собранія было переполнено публикой. Постановленіе думы было встрѣчено аплодисментами и криками „ура“. Многіе отъ радости плакали и крестились.

На-дняхъ министерство внутреннихъ дѣлъ разъяснило, что къ **копіямъ съ сдѣлокъ и обязательствъ, внесенныхъ въ книгу волостного правленія**, должно быть примѣняемо установленное ст. 11 гербового устава общее правило, т. е. копіи эти должны быть оплачиваемы простымъ гербовымъ сборомъ въ 80 к. за листъ, если самыя сдѣлки и обязательства, въ случаѣ совершенія оныхъ отдѣльнымъ актомъ, подлежали бы оплатѣ гербовымъ сборомъ въ размѣрѣ не менѣе 80 к. съ листа; въ противномъ же случаѣ, означенныя копіи подлежатъ простому гербовому сбору въ пятнадцать, десять и пять копѣекъ, по принадлежности, въ зависимости отъ того, подлежали ли бы самыя акты или документы, въ случаѣ совершенія ихъ отдѣльнымъ актомъ, оплатѣ гербовою пошлиною въ размѣрѣ 15, 10 или 5 копѣекъ. (Ниж. Лист.).

„Владивостокъ“ сообщаетъ, что 14 апрѣля, въ 6 час. утра, за городомъ, состоялась **поединокъ**, на револьверахъ, между мировымъ судьей IX участка владивостокскаго окружнаго суда Г. и подпоручикомъ 2-й В.-С. артиллерійской бригады Ф.; причины поединка были разсмотрѣны обществомъ офицеровъ упомянутой артиллерійской бригады и признаны уважительными.

Исходъ поединка печальный: Г. раненъ въ область живота, и положеніе его, по заключенію врачей, очень опасное; у подпоручика Ф. пуля прошла ниже лѣваго плеча, задѣвши вершину легкаго; положеніе г. Ф. тоже серьезно.

15 мая, въ первый разъ въ Тюмени со времени введенія новыхъ судебныхъ учреждений, открылись **засѣданія Казанской судебной палаты**.

Первымъ разбиралось дѣло по обвиненію бывшего чиновника по крестьянскимъ дѣламъ Ялуторовскаго округа Ѳ. В. Струве въ растратѣ суммъ, полученныхъ имъ по должности. („В. Об.“).

14 іюня, въ Ярославлѣ, во временно-военномъ судѣ разбиралось два дѣла по обвиненію въ **подачѣ завѣдомо ложныхъ жалобъ на начальство**: 1) рядового управленія Зубцовскаго воинскаго начальника Лисова, подавшаго жалобу на воинскаго начальника полковника Мальчевскаго. Судъ, признавъ Лисова виновнымъ въ подачѣ жалобы неосновательной и ложной, приговорилъ его на два мѣсяца въ военную тюрьму, 2) рядового Осташковскаго резервнаго батальона Фролова на притѣсенія и нападки своего

ротнаго командира; признавъ жалобу неосновательной, судъ приговорилъ его къ аресту на мѣсяць, въ подачѣ же ложной жалобы оправдалъ.

(Сѣв. Кр.).

Ейская мѣщанская полиція вошла съ представленіемъ въ областное правленіе о **предоставленіи ей права налагать административныя взысканія за маловажные проступки**. Это ходатайство мотивируется тѣмъ, что въ послѣднее время число такихъ маловажныхъ проступковъ, наказуемыхъ въ станицахъ и волостяхъ мѣстной администраціей, значительно увеличилось, и что борьба съ виновными, привлекаемыми у мировыхъ судей по составленнымъ полиціей протоколамъ, не подѣ силу послѣдней. Пользуясь же правомъ административнаго взысканія, полиція не обременялась бы излишнимъ трудомъ по составленію протоколовъ и присутствію въ качествѣ обвинителя въ камерѣ мирового судьи.

3 іюня въ Харьковѣ состоялось совѣщаніе профессоровъ юридическаго факультета Харьковскаго университета съ представителями мѣстнаго судебного міра объ **организации юридическаго общества**; предполагается изготovitъ къ сентябрю проектъ устава этого общества.

Къ благоприятнымъ условіямъ открытія въ настоящее время такого общества несомнѣнно слѣдуетъ отнести недавно состоявшіеся переходы на службу въ Харьковъ А. А. Леонтьева и, затѣмъ, предсѣдателя Курскаго юридическаго общества И. М. Тютрюмова. Ожививъ дѣятельность Курскаго общества, эти лица, навѣрное, посодѣйствуютъ призвать къ жизни такое же общество въ Харьковѣ.

Совѣтъ адвокатовъ (Advokatenkammer) въ Вѣнѣ обратился къ предсѣдателю уголовного отдѣленія Ландрихту съ просьбою допустить одного изъ членовъ совѣта, въ качествѣ довѣреннаго лица (Vertrauensmann), въ комиссію, составляющую **годовой списокъ присяжныхъ засѣдателей**. Какъ сообщаетъ „Neue Freie Presse“ (№ отъ 27 іюня 1899, утр.), предсѣдатель отвѣчалъ на эту просьбу, что онъ склоненъ удовлетворить выраженное совѣтомъ желаніе.

Библіографія.

Сборникъ узаконеній о пивовареніи и торговлѣ пивомъ въ мѣстахъ введенія назенной продажи питей. Со включеніемъ всѣхъ дополненій, измѣненій, правилъ, инструкцій, циркуляровъ и другихъ правительственныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ до 1 января 1899 г., а также—списка пивоваренныхъ заводовъ въ Россіи. Составленъ подъ редакцію секретаря союза пивоваренныхъ заводчиковъ пом. прис. повѣреннаго С. Я. Вайнштейна, С.-Петербургъ. Изданіе Союза пивоваренныхъ заводчиковъ въ Россіи. 1899 г. XX—294 стр. Цѣна 2 руб.

Сборники узаконеній и правительственныхъ распоряженій, относящихся къ той или другой группѣ лицъ, къ той или другой отрасли административнаго управленія или даже къ тому или другому роду административныхъ или судебныхъ дѣлъ, получили въ послѣднее время довольно широко рас-

пространение на нашем книжномъ рынокѣ. Обыкновенно появленіе ихъ пріурочивается къ изданію какого-либо новаго закона. Такъ было и со введеніемъ казенной продажи питей, которая вызвала изданіе цѣлаго ряда подобныхъ сборниковъ, различнаго достоинства и значенія. Цѣль подобнаго рода изданій—собрать въ одной книгѣ всѣ законоположенія и правительственныя распоряженія, относящіяся къ данному ряду дѣлъ, и такимъ образомъ облегчить ознакомленіе съ закономъ и его примѣненіе и исполненіе какъ для частныхъ лицъ, такъ и для чиновъ администраціи.

Но польза такихъ изданій представляется несомнѣнною лишь въ томъ случаѣ, если они составлены дѣйствительно съ надлежащими полнотою и добросовѣстностью и даютъ все, что, обыкновенно, значится въ ихъ многообъясняющихъ заглавіяхъ. Къ сожалѣнію, среди подобнаго ряда изданій намъ нрѣдко попадались такіе образчики скороспѣлой спекуляціи, которые могутъ только ввести въ заблужденіе и ошибку читателя, довѣрчиво отнесшагося къ ихъ полнотѣ.

Лежащій предъ нами „сборникъ узаконеній о пивовареніи и торговлѣ пивомъ“, выгодно отличается отъ такихъ спекулятивныхъ изданій. Въ немъ дѣйствительно собрано все, что касается непосредственно пивоваренія и торговли пивомъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введена казенная продажа питей. Сюда вошли, прежде всего, статьи положенія о казенной продажѣ питей (св. зак. т. V прил. къ прим. 4 ст. 419 уст. объ акц. сб. по прод. 1898 г.) въ редакціи, измѣненной согласно Высочайше утвержденнымъ мнѣніямъ Государственнаго Совѣта, послѣдовавшимъ до 1 января 1899 г. Подъ каждой изъ нихъ помѣщены соответствующія статьи уст. объ акц. сбор., сохранившія силу и по введеніи казенной продажи питей, со всѣми послѣдовавшими до 1 января 1899 г. измѣненіями, дополненіями, разъясненіями, циркулярами, правилами и инструкціями, а также текстъ всѣхъ законовъ, на которые имѣются ссылки въ отдѣльныхъ статьяхъ. Кромѣ того въ видѣ приложений къ сборнику даны: I. Уставъ попечительства о народной трезвости. II. Уставъ о гербовомъ сборѣ по изд. 1893 г. въ той его части, которая касается документовъ, относящихся до пивоваренія и торговли пивомъ. III. Положеніе о промысловомъ налогѣ (законъ 27 іюня 1898 г.) въ части, касающейся пивоваренной промышленности. IV. Законъ 2 іюня 1897 г. о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности. V. Обязательныя постановленія о торговлѣ пивомъ и другими крѣпкими напитками въ г. С.-Петербургѣ. VI. Формы по пивомедоваренію. VII. Уставъ союза пивоваренныхъ заводчиковъ въ Россіи и VIII. Списокъ всѣхъ пивоваренныхъ заводовъ въ Россіи, съ указаніемъ ихъ производительности.

Этотъ перечень даетъ полное понятіе о богатствѣ содержанія сборника. Можно пожалѣть развѣ, что составитель, вообще не покусившійся на приложение, не далъ на ряду съ закономъ о продолжительности и распредѣленіи рабочаго время также и выдержекъ изъ тѣхъ отдѣловъ устава о промышленности, которые говорятъ о мѣрахъ предосторожности въ устройствѣ фабрикъ и заводовъ и при употребленіи паровыхъ котловъ, о наймѣ рабочихъ, о наймѣ и работахъ малолѣтнихъ, о работахъ подростковъ

и лицъ женскаго пола. Всѣ эти правила имѣютъ не менѣе важное для каждаго заводчика значеніе, и помѣщеніе ихъ въ сборникъ способствовало бы его полнотѣ.

Пользованіе сборникомъ весьма облегчается приложенными къ нему указателями: хронологическимъ, постанейнымъ и алфавитнымъ.

Adrien Carpentier. Codes et lois pour la France, L'Algérie et les colonies; 2 vls; 3-me éd. (Paris 1899).

Передъ нами лежатъ два громадные тома, убористой печати, представляющіе собою какъ бы Thesaurus французскаго права и французской судебной и судебно-административной практики. Въ первой части названнаго сборника отпечатаны французскіе кодексы и тѣ изъ международныхъ трактатовъ, заключенныхъ Франціею, которые относятся къ сферѣ частныхъ интересовъ. Отличительною особенностью труда Карпантие является то, что юриспруденція приведена непосредственно за каждою статьею, тогда какъ въ другихъ аналогичныхъ сборникахъ рѣшенія судовъ и административныхъ инстанцій указаны въ примѣчаніяхъ¹⁾, что нѣсколько утомляетъ читателя. Во второмъ томѣ приводятся въ хронологическомъ порядкѣ всѣ сколько нибудь важныя законы, декреты, arrêtés, ordonnances и avis государственнаго совѣта, съ конца прошлаго вѣка, причемъ дѣлаются ссылки и на болѣе раннія узаконенія. Крайне подробный предметный указатель—на 172 стр.—облегчаетъ справки и позволяетъ быстро находить желательный текстъ.

Сборникъ составленъ весьма тщательно. Печать, хотя и мелка, но не утруждаетъ глазъ. Что же касается цѣны книги, то она баснословно низка: за 3106 страницъ in quarto приходится платить лишь 25 франковъ, т. е. немногимъ болѣе 8 рублей! Сборникъ г. Горемыкина, равняющійся, по объему, приблизительно 1/3 книги Карпантие стоитъ 7 руб.; „уставъ о воинской повинности“—г. Горяинова—5 руб.; „законы гражданскіе“ г. Боровиковскаго—6 руб. „уложеніе о наказаніяхъ“ Н. С. Таганцева—4 р. 50; между тѣмъ эти три послѣднія сочиненія вмѣстѣ взятыя не составляютъ, по количеству отпечатаннаго матеріала, и половины „свода“ французскаго ученаго.

Трудъ Карпантие, по нашему мнѣнію, является образцомъ, достойнымъ подражанія. Для того чтобы процвѣтала законность, необходимо, чтобы законъ и судебная практика были всѣмъ извѣстны и всѣмъ доступны. Между тѣмъ, при существующихъ у насъ условіяхъ, часто бываетъ крайне трудно ориентироваться, не только въ существующей практикѣ, но и въ дѣйствующемъ законодательствѣ: достаточно напомнить, что нѣкоторые томы свода законовъ составляютъ библиографическую рѣдкость. Поэтому появленіе у насъ сборника вродѣ труда Карпантие, было бы истиннымъ благодѣяніемъ для русскихъ юристовъ. Его успѣхъ былъ бы заранѣе обезпеченъ.

Л. Шалландъ.

¹⁾ Таковыя изданія Teulet, Rivière, Hélie etc.

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылаются 3-й и 4-й листъ общ. собр. рѣшен. Пр. Сената за 1898 г. и 4-й листъ собранія узакон. и распоряж. правител. за 1899 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.